

Кир Шаманов

ВЗРОСЛЫЙ ИНДИГО

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+
18+

Кир Шаманов

ВЗРОСЛЫЙ ИНДИГО

«Автор»

2026

Шаманов К.

ВЗРОСЛЫЙ ИНДИГО / К. Шаманов — «Автор», 2026

Новая серия новелл от автора бестселлера «Дурные Дети Перестройки», долгожданное продолжение «Кайфономикона», повествует о сектах 90-00-х годов и перерождении героя из наркомана с петербургского дна, в современного художника и писателя. Легкий стиль и слог, отличающие тексты Шаманова, позволяют переместиться в то время и пережить его события вместе с героями.

© Шаманов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ВЗРОСЛЫЙ ИНДИГО	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ДЕДУШКА АУМ	8
ПЕРКИНС	16
ОБЩИНА	25
ДЯДЯ	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Кир Шаманов

ВЗРОСЛЫЙ ИНДИГО

Глава

Кир Шаманов

ВЗРОСЛЫЙ ИНДИГО

(Кайфономикон II)

Санкт-Петербург

2023

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=411.2)6-4

Ш19

*С благодарностью к Евгению Вольдемаровичу Самойлову и Дарье Алексеевне Нечаевой,
за многолетнюю дружбу и поддержку*

Редактор: Аглая Топорова

Издательство: Н. В. Ставрогина

Издание осуществлено при поддержке Фонда «Дон»

Ограничение по возрасту 18+

© Шаманов Кир, 2023

ISBN 978-5-00125-781-3 © Оформление. ООО «Реноме», 2023

Предисловие

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дети Индиго — это дети, обладающие особенной чувствительностью, талантами и отклонениями в развитии. По утверждению Нэнси Энн Тэпп, которая ввела этот термин, — первые из таких детей были реинкарнированы в 1975 году, автор и герой повествования, вероятно, является одним из них, но уже взрослым. Будучи воплощенным на территории Советского Союза, города Ленинграда, в трудных социальноэкономических условиях начала перестройки, 90-х и нулевых годов, гиперчувствительный ребенок получил уникальный опыт выживания, на котором сосредоточена первая часть Кайфономикона — «Дурные дети Перестройки».

Минули годы с написания первой книги, которая снискала неожиданный успех и у многочисленных читателей возникла масса вопросов. Нет уверенности, что в новой книге будут даны точные ответы, вероятно, многие вопросы только «расширятся и углубятся», но в новых новеллах, созданных на основе жизни героя, можно увидеть многие ключевые дополнения к палитре 90–00-х годов.

Девяностые и нулевые — это время, когда модными были не только наркотики, но и всевозможные духовные практики, секты, к чему наш герой имел и имеет значительную склонность. В девяностых герой посещает секты и первые парапсихологические школы, занимается ци-гун, НЛП-технологиями, побеждает одни зависимости, получает новые, встречает нулевые, где начинает заниматься современным искусством и становится известным, весьма противоречивым художником.

Все описанные события, разумеется, это субъективное видение автора и не могут быть рассмотрены как стопроцентно достоверные.

ДЕДУШКА АУМ

Году в восемьдесят третьем в нашем дворе появился новый мальчишка, из деревни. Нам было лет по восемь, переехало целое семейство: папа и мама с уклоном в алкоголизм и Ванёк, мой ровесник. Худощавый паренёк-блондинчик, как две капли воды, похожий на мальчиков с картин художника Дейнеки.

Мы делали рогатки, мастерили взрывпакеты из магния и марганцовки, пращи и складные ножи, плевались рябиной из трубок. Потом я вместе с другими ребятами со двора, занялся академической греблей, а Ванёк записался в секцию лыжного двоеборья в Юкках. Осваивал марафоны, коньковый шаг и прыжки с трамплина. Ванёк был простой и добрый парень, в школе, как все приличные пацаны, учился плохо, но в спорте начал добиваться успехов — не столько за счёт выдающихся данных, сколько за счёт характера и постоянных тренировок. Периодически он ездил на сборы и даже занимал там какие-то, не самые первые, но места.

Однажды у мамы одного из наших пацанов разболелись зубы, стоматологов тогда боялись, как огня, и выяснилось, что мамаша Ванька, умеет заговаривать зубную боль, владеет и другими навыками деревенской магии. Просочившаяся информация, хоть и ненадолго, но произвела впечатление — его родителей считали обычными алкашами, а оно сложнее обернулось: во дворе появилась ведьма-целительница! Впрочем, вскоре водочка взяла своё, хотя возник небольшой поток страждущих, несших ей трехрублёвки, а Ванёк стал кем-то вроде эксперта в вопросах магии.

Мы были подвижными ребятами: помимо спорта, лазали и бродили, где могли, — городская свалка в Новосёлках, Серафимовское кладбище; громили дачи в Лахте и Ольгино, вытаскивали чужие сети на Финском заливе и выпускали из них рыбу, доходили до истоков Чёрной Речки, грабили Приморскую овощебазу, затерроризировали живодера Зуева, убившего котят, которых мы выкармливали в подвале моего дома.

Но что такое лыжи, гребля и котят, когда в конце восьмидесятых в небольшом спортклубе на Ланском шоссе, до того специализировавшемся на вольной борьбе, открылась секция карате и восточных боевых искусств?! Весь район обклеили черно-белыми рекламными плакатами, были даже какие-то бесплатные вводные занятия. Я уже пристрастился к русскому и нерусскому року и покуривал травку, Ванёк же, в отличие от большинства ровесников, не бросил спорт, а наоборот, заодно записался в этот бойцовский клуб, запоздало решив научиться драться, когда уже пора было учиться стрелять, осваивать ножевой бой и химию для кустарного изготовления наркотиков.

* * *

Однажды, нам уже было лет по четырнадцать, получается, году в восемьдесят девятом, мы обсуждали магические практики и спившуюся маму Ванька, которой эти практики не помогли. И тут Ванёк начал затирать, что, дескать, в той каратесекции, куда он исправно ходил, они устраивают настоящие медитации, что, помимо карате, он ещё ходит на некие у-шу и цигун. Про у-шу выходило несколько передач у Юрия Сенкевича — стили «обезьяны», «пьяницы» и «богомолы», которые стали дворовыми мемами, так что Ванька за это обстебали. Но в цигун, по его словам, была магическая составляющая всех восточных единоборств и медицины, а это меня живо интересовало, поскольку если это всё существовало, то никакого смысла заниматься чем-то другим я не видел.

Несмотря на периодические передразнивания пацанами стилей богомола и пьяной обезьяны, Ванёк занятия не бросал уже с год, не бросая и двоеборье, где уже стал вполне

состоявшимся спортсменом-юниором. И вот однажды летом куковали мы с ним вдвоем во дворе. Ванёк рассказал, что на занятиях ци-гун он учится регуляции энергий в организме и в жизни, а преподает там некий ученик некоего Дедушки Петербургского. Звучало странно, но мне стало любопытно: какой-то дедушка, который ездил в Китай и был там в авторитете, имел восьмой дан по нескольким направлениям и у-шу, и ци-гун. Короче, Ванёк уговорил, и я решил сходить в эту секцию.

Занятия вел довольно позитивный парень лет двадцати пяти по имени Сергей, однако я сходил всего на два занятия: они действительно оказались практически бесплатными, но показались мне больше похожими на тренировки по борьбе, недостаточно магическими и слишком контактными. В группе было человек тридцать пацанов из нашей школы — от восьми до восемнадцати лет.

После второй тренировки по у-шу, где меня швыряли об татами как тряпичную куклу, уча группироваться в падении, Ванёк, понизив голос, рассказал, что Дедушка усыновил чуть ли не тридцать пацанов из детских домов и тренирует их цигун и у-шу. А наш тренер Сергей — один из тех усыновленных детдомовцев. Что Дедушка учит правильной жизни и что у него в некой квартире-музее на Васильевском Острове проходят чаепития для трудных подростков. Что Дедушка клёвый, ему восемьдесят лет, он спит в специально построенной по египетским чертежам пирамиде для омоложения, в которой самозатачиваются бритвы, которыми Дедушка и бреется. Ванёк уже был там один раз и там ничего страшного с ним не случилось. Договорились съездить и в одну из суббот действительно отправились на сороковом трамвае на Васильевский.

* * *

Квартира располагалась возле реки Смоленки, в одном из домов на площади КИМа. Место оказалось действительно очень странное: везде книги-книги-книги, разнообразные энцефалографы, на которых Дедушка проводил какие-то загадочные измерения биополей и магнитосфер. Висели ещё

не ставшие ширпотребом всякие китайские и даосские приبلуды — колокольчики, тряпочки с иероглифами, фигурки из нефрита и тому подобное.

Народу было человек пятьдесят, полная квартира детей и подростков: девяносто процентов мальчишки и несколько уже взрослых парней, как мы, и старше. Дедушка был уже стар, но весьма и весьма энергичен, сам шустрил с чаем и умело руководил детской массой. У всех был в явном, неоспоримом в авторитете.

Пока хозяин что-то вещал о Лао-Цзы, мы с Ваньком скромно стояли в уголке, было заметно, что многие ребята тоже «на экскурсии». Выяснилось, что в разных районах города «внучата» Дедушки создавали платные и бесплатные группы цигун, кунг-фу и у-шу, и из этих групп на Васильевский толпами приезжали увлечённые детишки.

— Понимаете, ребятки, жизнь очень длинная и разная. Бывает, родишься в обстоятельствах не очень хороших, а потом выравнивается всё, а потом снова вниз и вверх, главное — не терять баланс. Об этом лучше всего уже тысячи лет говорят китайцы. Вот Лао-Цзы и Чжуанцзы, например, обязательно почитайте и учитесь ци-гун не только для здоровья, но и для гармонии жизни.

Я понял, что это была обычная преледа Дедушкиных проповедей.

В одной из комнат действительно стояла здоровенная пирамида, внутри которой помещалась небольшая кровать. Дедушка рассказывал что-то про принцип золотого сечения, египетские мумии, жрецов. Он тараторил как пулемёт, действуя эриксоновским методом логи-

ческого перегруза и напоминая Курёхина: так что я быстро утратил нить его рассуждений. Зато хорошо помню, что энцефалограф внутри пирамиды, где спал Дедушка, вёл себя неоднозначно, а школота уважительно трясла головами, балансируя на грани впадения в транс.

Я хоть и чувствовал, что Дедушка хороший и добрый, да и ци-гун мне понравился — до сих пор дома и на природе, используя позы и упражнения, которые делали тогда на занятиях, — больше к нему на занятия не приходил. Слишком много детей. Я предпочел слушать панк-рок и курить траву, а потом стремительно перешел на тяжелые наркотики. Даосских авторов, которых упоминал Дедушка, через несколько лет я прочитал, но тогда меня унесло в совсем другие края. Однако у меня возник определенный вектор в сторону Васильевского острова, где вскоре, совсем неподалёку от Дедушкиной квартиры, открылся клуб ТаМтаМ, который поглотил значительную часть моих времени и внимания.

* * *

О Дедушке, впрочем, я вспоминал часто. Однажды после ТаМтаМа, заблудившись под «тамттамошной кислотой», меня вынесло под его окна, в самую середину площади, как я потом узнал, воспевавшей балтийских юнг. Я был совсем уделанный, чувствовал себя, как будто сделан из пластилина, и начал выделять ци-гуновские па, которые нам показывали в детском клубе. Слава богу, была глубокая ночь, поскольку выглядел я, как нынешний солевой наркоман. Фенциклидин и кетамин — единственные препараты, от которых у меня возникает амнезия. Нажравшись их, я с невероятной четкостью помню только некоторые эпизоды, из основного же тайм-лайна трипа не помню совсем ничего.

Тот эпизод под окном у Дедушки врезался мне в память, как дамасский кинжал: я помню все позы, которые отрабатывал, все ощущения и все потоки, которые включались в моём теле. В центре живота я ощутил «глыбу покоя», откуда выходили несколько самоосознающих щупалец, в двух-трёх из которых обычно существовало всё моё сознание. А тут возник этот шар и всё уравновесилось во все стороны, как будто появился центр тяжести у самосознания меня. Выяснилось, что щупалец больше, они соединены в шаре, а сознание может перемещаться по ним и это связано с позами ци-гун. Я загонял вниманиесознание в те щупальца, которые обычно не были включены, и через ощущение не то зуда, не то потягивания тело само изгибалось в одну из поз, и я просто находился в этом состоянии, ощущая и осознавая новую реальность, возвращался в центр шара и снова перемещался в щупальца. Вероятно, так я провёл не меньше часа, а то и больше. В следующем «кадре» я уже был дома, где, пребывая в том же состоянии, занимался тем же самым: существовал большой соблазн считать, что я телепортировался, но уже настало утро, то есть, прошло несколько часов.

С тех пор с ци-гун у меня очень странные отношения: периодически я в него проваливаюсь, а упражнения вызывают во мне некое состояние, за которым я могу «идти». Но поскольку ци-гун меня сильно трансформирует, я стараюсь быть осторожным и не изменяться до потери человеческой формы, чтобы не потерять интерес к тем аспектам реальности, в которых вижу изначальный смысл практики, впрочем, если что-то в моей реальности мне надоело, я знаю, что и как мне делать. Недавно узнал, что современная молодёжь называет фенциклидин «дедушкой» — не самое, на мой взгляд, удачное название, а может, и удачное.

* * *

В начале девяностых родители Ванька продали квартиру и купили ферму под Псковом, откуда они, кажется, и приехали. Страна сходила с ума и, вероятно, это было достаточно разумным решением. Ванёк же, как простой и честный парень, отправился в армию — на север, в район города Кандалакша. Однажды я получил от него письмо.

«Привет, Кирилл. Я служу в армии, сторожусь шахту с ядерной ракетой. Дедовщины практически нет, нас тут всего десять человек. Читаю книги, занимаюсь ци-гуном и слушаю радио “Маяк”. Слушаешь ли ты радио “Маяк”? Там после девяти часов вечера выступает японский учитель Сёко Асахара, рассказывает про Жизненный Путь и проводит медитации, я занимаюсь по его методикам каждый день. Если тебе не трудно, сходи, пожалуйста, в их центр в Петербурге и пришли мне его портрет, буду тебе очень благодарен»... — Уехав на север, Ванёк продолжал интересоваться Востоком.

Действительно, по радио «Маяк» ежедневно выступал слепой гуру из Японии Сёко Асахара и его отечественные сподвижники по некой религиозной организации «Аум Синрикё».

Я внимательно слушал и даже иногда записывал на кассетный магнитофон его лекции, чтобы ничего не упустить, но всё равно часто зарубался в марево то опийных, то фенциклидиновых грёз. Когда же был трезв, искренне пытался медитировать по системе Асахары, но сесть в лотос так и не смог, постоянно ломило спину и ноги, даже если бывал вмазан черняшкой.

По радио передали адрес центра «Аум Синрикё» в Петербурге, я записал и явился в спортзал одной из общеобразовательных школ Василеостровского района, который снимали «аумовцы» для своих роев. Под большим портретом Асахары шла тренировка каратистов, несколько неопитов типа меня в дальних рядах пытались повторять то, что делали ряды передние, которые повторяли за тренером.

Боевые упражнения сменялись медитациями на образ учителя и слияние с ним, а потом медитации снова сменялись сериями боевых упражнений. Выглядело это гораздо убедительнее, чем неистовые экстатические кружения в Белом Братстве, куда я заглядывал примерно в те же дни. Занятия были почти бесплатными, но быстро выяснилось, что дома надо было иметь «благословенный лично» портрет Учителя, иначе медитации и праксис не будут иметь должного эффекта, а он стоил почти сто долларов... Так же важно было периодически прикупать благовония, систематически ходить на тренировки с медитациями, приветствовались пожертвования. А после полугода практики позволялось купить портрет учителя побольше и подороже, долларов за триста, а там было рукой подать и до портретов за шестьсот и за тысячу баксов.

На вторую тренировку я пришел накуранный, не специально, просто вечером собирался ехать в ТаМтаМ, ну и, чтоб два раза не вставать, решил курнуть пораньше. Меня сразу раскусили, моралей не читали, но после медитации практически в ультимативном порядке требовали либо купить портрет Асахары и начинать трезвиться, либо исчезнуть. Я выбрал второе, ибо физические нагрузки меня не интересовали, сто долларов были большими деньгами, да и наркотики я тогда бросать не собирался, только начал втягиваться. Но я, кажется, ухватил самую суть учения Асахары и написал Ваньку ответное письмо:

Привет Ваня!

Надеюсь, служится тебе неплохо....

... Сходил в Центр «Аум Синрикё», там действительно собираются люди и проходят тренировки, но я сейчас торчу, и денег на портрет Асахары у меня нет, он стоит сто долларов, так что послать его тебе не могу, по-моему это какое-то наебалово.

Кирилл.

Честно говоря, не помню, ответил Ванёк или нет. В скором времени от старшего товарища Сливы вместе с распечаткой книги Валерия Ломовцева «ИЩОУЩИМ» — произведшей на меня сильное эзотерическое впечатление, мне попала распечатка книги «Дао Дэ-Дзин» и, читая её, я поминал добрым словом Дедушку и Ваньку. Лао-Цзы показался слишком абстрактным, поэтому особого впечатления сразу не произвёл. Почитав для комплекта и Чжуан-цзы, я сложил себе некое представление о даосизме, как об учении гармоничного существования с природой. Только сильно после — когда в моей жизни появились девушки, я прочитал поповскую книгу «Дао — Любви и Секса» и начал ежедневно использовать сдерживание оргазма

в своих сексуальных практиках — я понял всю мощь даосизма. А тогда мне хотелось реальной магии, воздействий, гипноза или рок-н-ролла и наркотиков. Победил рок-н-ролл, а его потом, довольно легко и быстро, победили наркотики. До подлинного даосизма было ещё очень далеко.

* * *

С Юрой Алматинским и его друзьями я познакомился, когда я ходил за «хэшем» в общежитие на Пархоменко. Ребята торговали огромными объёмами травы, которую возили из Казахстана. По счастливому совпадению, Юра поселился у меня во дворе — в бывшей квартире Ванька! Столько травы, как у Юры-Ванька дома, я не видел никогда в жизни: полная кладовка, набитая с плотностью косяка под самый потолок — кубометры измолотой и спрессованной конопляной сечки.

Траву обычно продавали спичечными коробками и гранёными стаканами. Стакан обычно насыпали по ризку, получалось десять стандартных коробков. Стакан считался «жирным», если ризка превышена, а если стакан насыпан целиком до краёв, то считался «очень жирным». Пределом мечтаний был стакан «с горкой», это давало три дополнительных коробка, то есть получалось не десять, а тринадцать. Юра же, по старой казахстанской привычке, не просто насыпал с горкой, а буквально забивал стаканы травой, утрамбовывая объём пальцами, так, что если считать грубо, «коммерчески», то получалось и полтора стакана, по нашим, скромным, питерским понятиям. В килограмме, по Юриному счёту, было двадцать таких стаканов. К тому же в городе стакан стоил 1000–1200 рублей, а у Юры — 800, поэтому я смело заряжал двести рублей сверху и отсыпал четверть. Меня впервые в жизни размажорило: я приоделся и даже завел сексапильную девушку шестнадцати лет под названием Марина. Мне было семнадцать.

Два раза в неделю ко мне приезжали барыги из Выборга и Приозерска, покупали по одному-два килограмма, и я отсыпал по четыре стакана с каждого кило — траву было некуда девать. За стаканами к Юре я практически не ходил — продавал ссыпанное у областных. И всё равно оставалось очень много. Поэтому открытие ТаМтама оказалось весьма кстати. Я ездил туда и продавал до двадцати пакетов травы за день, прослав там человеком, с которым можно иметь дело по марихуане в любых объёмах. Ко мне приезжали покупать стаканами Горшок и Гарри Коршунов, «Внезапный сыч» и несколько менее заметных групп.

Появилась возможность не только покупать одежду в секонд-хенде и бухать с Мариной дорогие алкоголи, но и основательный дозряк на ширеве. Марина была резко против внутреннего употребления, да и ТаМтаМ ей не нравился, «Тоннель» тоже не зашёл. Ей нравилась дискотека в Ленсовета и гостинице «Спортивной» — там было много парней в спортивных костюмах, которые не нравились мне. Мне нравилось опийное ширево, тамтамовская кислота, тоннелевские марки и совсем не хотелось лишний раз получать люлей. Вставать под дырявые, текущие «крыши» залётных неведомо откуда спортсменов тоже не входило в мои планы. Марина быстро отправилась в поля бесконечной блядской охоты, а меня по утрам стало бросать в пот, знобить, начало ломать спину и крутить ноги.

Я решил сделать с наркотиками перерыв, перестал что-либо употреблять и записался на курс «Психоэнергетика», который проходил три раза в неделю на 4-й Линии Васильевского острова. Но продолжал посредничать в продаже килограммов травы, продавать стаканы и пакеты в ТаМтаМе.

Занимались прокачкой чакр в кундалиниевском стиле, но с уклоном в практики Кастанеды и психоанализ. Занятия были платными, но не дорогими, деньги у меня были и, кстати, я впервые без наркотиков получил необычный опыт слияния сознания и воли. Пару раз, мысли осуществлялись мгновенно или радикально менялись мои состояния, которые даже не надо было как-то удерживать и разгонять — я всё больше склонялся к необходимости какой-

то радикальной духовной практики и полной трезвости. Я читал книгу Ломовцева «ИЩО-УЩИМ», в которой даны срез и обобщающий анализ всех основных духовных практик.

На фоне съеденной кислоты практика деревенской магии, которая до сих пор увлекала моих приятелей во дворе, кто ещё не окончательно сторчался, потеряла для меня какую-либо значимость.

* * *

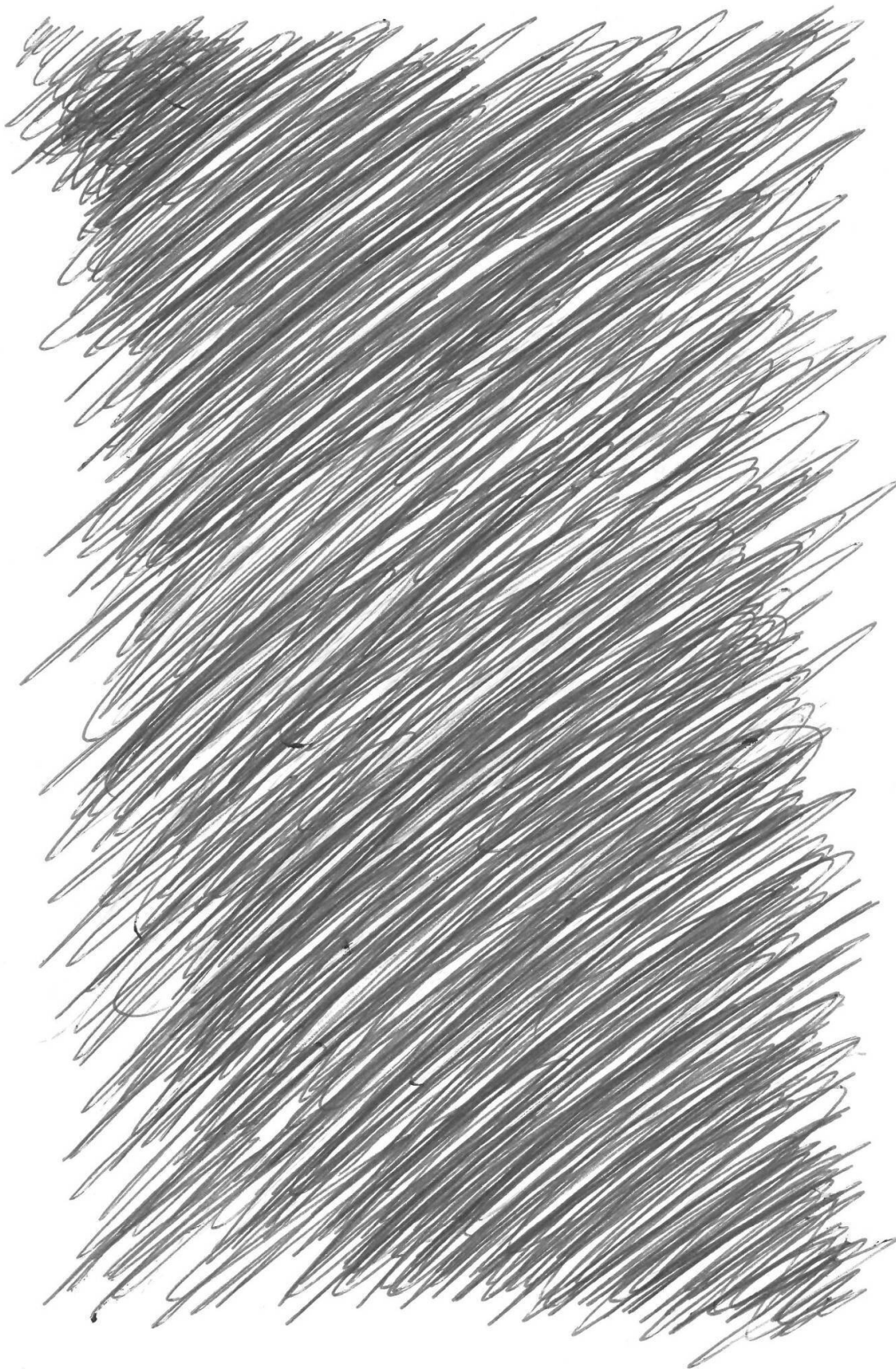
В моё двадцатилетие, 20-го марта 1995-го года, на пороге появился цветущий и румяный Ванёк. Бабка Ваню любила и была рада его видеть, хотя я не праздную дни рождений, я пригласил его зайти. Он подарил трёхлитровую банку клубничного варенья и целую кучу всяких деревенских припасов, чем растопил бабкино сердце окончательно. Она закопошилась и начала жарить блины.

— А можешь помочь купить стакан травы? — Шёпотом спросил Ванёк, когда зашли в мою комнату. — Пацаны попросили.

— Конечно, у меня прямо тут есть. — Я достал пакет, стакан и насыпал его целиком.

— Ого! От души. — И Ваня выдал мне тысячу рублей.

Вышли покурить травы и купить пива, покурили, купили, вернулись. День рождения всё-таки.

Я не курил траву три года, — сообщил Ваня с уже изрядно покрасневшими и осовевшими глазами.

Бабка позвала на кухню пить чай.

— Расскажи, как ты, Ванечка?

— Ну что, отслужил, сейчас у родителей ферма, растим свиней, кур, гусей, три коровы, огород сорок соток, продаём на рынке. Занимаюсь боевыми искусствами, победил в городском чемпионате Пскова. Смотри, — Ваня сжал кулак и показал мне набитые мозоли на костяшках.

Бабка сияла и побрякивала от удовольствия, как у Вани всё хорошо и ладно выходит, не забывая приводить его мне в пример. Мы выдали ей две бутылки пива, и она отползла в свою комнату смотреть телевизор, который постоянно орал на полную громкость.

— Неплохо ты устроился. А что с медитациями? Делаешь?

— Иногда делаю ци-гун, но редко.

— А Асахара? — ехидно поинтересовался я.

— Ну его нахуй, получил твоё письмо и сходил в их центр после армии. Всё правильно ты написал, у меня нет столько денег. А вот к Дедушке заезжал утром.

— Ого, он живой?

— Ещё как! Бодр и весел. Варенья ему тоже привёз.

— Вот бы их с моей бабкой познакомить, чтоб она к нему на Васильевский переехала и устроила им там Диснейленд.

Посмеялись.

— А как ты? — Спросил Ваня.

— Да что-то, то заторчу, то перестану, вот закончил курс психоэнергетики, сейчас в Общину Виссариона хожу, у него в Сибири поселение, город в тайге строят. Хочу поехать, мясо вот есть почти перестал... Но ширяюсь.

И в этот момент из бабкиной комнаты доносится:

Сегодня в токийском метро представители секты «Аум Синрикё» распылили газ зарин, погибло двадцать человек, сотни человек пострадали...

— Чтоо?!!! — Уставились мы с Ваньком друг на друга!

ПЕРКИНС

Саша Перкинс жил на Петроградской, в коммуналке на Ординарной улице. Не то что бы он был в те годы панком, но в ТаМтаМ захаживал. Несомненно, его увлечения и русским роком, и эзотерикой были искренние, дом был набит книгами по теме и сборниками кассет «Алисы» и ДДТ. С точностью нельзя утверждать, что именно на этом фоне сформировалось увлечение наркотиками, это был стандартный путь, для увлеченных экспериментами с изменёнными состояниями сознания. В какой-то момент парень, что ожидаемо, сорвался с цепи совсем, заторчал, попал в передраги — кого-то обул и «встал на счётчик» у бандитов.

Было приятно услышать его по телефону, живым, внезапно бодрым и ни от кого не скрывающимся:

— Привет, это Перкинс.

— Привет, как ты?

— Отлично. У меня тут такое дело. Ты веришь в Бога?

— Ну, например, да, и?

— Понимаешь, я в своей никчёмной жизни, встретил Господа и изменился! Я звоню всем, кто в моей записной книжке, чтобы сообщить это, мне так велел мой наставник, и, если ты хочешь, могу тебе подробнее рассказать.

— Давай.

— А есть курнуть?

— Есть.

Приехал к нему на Ординарную, взял у него деньги, ему большой — «с горочкой», стакан травы, отсыпал три коробка, оставил себе часть денег и остатки травы — коробков десять, отнёс ему.

Вот, смотри, — Саша приглашает меня к себе в комнату, в которой плотно воняет индийскими благовониями, вся комната обклеена повторяющимися, как у Энди Уорхола, одинаковыми портретами Марии Дэви, а в правом углу висит коллекция других её портретов и портретов разных её «предыдущих воплощений». Кришна, Шива, Будда, Иисус, какие-то египетские боги, на тумбочке устроен алтарь из всякой всячины, самодельный светильник из настольной лампы, светящей красным светом вверх, какие-то блюдечки, чашечки, фигурки, расплавленные свечи, благовонные палочки, в том числе небольшой бюстик Ленина.

— Знаешь, кто это? — Проводя рукой подобно Муссолини вдоль обклеенных афишами стен, спросил Перкинс.

К тому времени я уже прочитал три первых тома Кастанеды, Папюса, Штайнера, что-то из Блаватской и одну из книжек по Агнис-Йоге.

— Ага, это Мария Дэви Христос из Белого Братства, у меня над дверью парадной её портрет висит. Ты что, теперь с ними?

— Да, представь, сам удивлялся, но она правда невероятно мне помогла! От всех моих проблем! — Он сложил перед лицом ладони и прикрыл глаза в благодарном, явно уже натренированном жесте.

— Как? В чём?

— Ну ты знаешь, что я задолжал, и наркотики эти, так всё перекрыло, что хотел уже счета с жизнью сводить. Бродил по городу и нарвался на эти афиши, сходил туда и всё! — Излагал Перкинс, забывая анашу в беломорину. — Ни ширева, ни бухла не хочется, бандиты отстали, я сам им позвонил и сказал, что теперь у меня такая крыша, от Самого Господа, что лучше им не рыпаться.

— Ха, и что они? — Заинтересовался я, ведь меня тоже периодически кто-нибудь разыскивал с угрожающими моему благоденствию целями.

— Ну они приехали вшестером на своей «девятке», дверями похлопали, дали мне срок неделю. Долг до трёх штук баксов докрутили со штуки, я им сказал, что всё будет по Воле Божьей, но будет точно! Мы в Церкви помолились с братьями, ну я не говорил, конечно, конкретно за что, но о разрешении моих проблем в целом. Я даже специально попросил, чтобы мне помогли, связались через приближенных в Киеве и спросили совета для меня у самой Матери Света.

— И что она?

— Она сказала, что все будет по Воле Божьей, если я буду Преданным, Господь меня не оставит.

— Хм...

— А через два дня, прикинь, моих бандитов взорвали прямо в машине, гранату им подбросили, трое трупы, двое до сих пор в больнице.

— Ничего себе! Думаешь, небесных ангелов натравила на них? Или демонов? Может, молния в их «девятку» ударила?! Подожди, а может, она правда прислала твоим бандитам своих, чёрт её знает эту Марию Дэви, может, они сами те ещё бандюги? — С восторгом комментировал я.

— Да в том-то и прикол, что я ничего не говорил о сути дела: подумал, Она же всё равно Всеведающая, зачем разводить «испорченный телефон». Спросил, мол, что Саше в Петербурге делать с его проблемами? Как она сказала, не беспокоиться и не грешить, так я и сделал. Я молюсь каждый день, на службы хожу, проповедую Благоую Весть о Её Светоносной Реинкарнации, не торчу уже полгода. Ну только курнуть иногда могу, трава — это же шиваитское благоговение, а Шакти, жена Шивы и его половина, это одна из Её Инкарнаций. Там многие курят. Докурили.

— Знаешь, Кир, ты один из трёх человек в моей старой записной книжке, кто нормально отнесся к моей Вере. Я её всю прозвонил с Вестью и сжёг. Теперь в моей новой записнущке только четыре телефона из прошлой жизни, среди которых твой. Ни барыг, ни одноклассников. Мама, бабушка, Машка и ты.

«Вот радость-то», — подумал я.

— Я знаю, что ты увлекаешься эзотерикой, скажи, ты не хочешь сходить к нам на собрание? Я собираю свою группу верующих в Братстве.

— Ну я не против в принципе сходить.

Глупо было отпускать Перкинса, он же покупал через меня траву и купил бы ещё, да и просто было интересно, возможен ли большой новый рынок.

Договорились!

— А мне надо одеться в белые одежды? Или что-то типа этого?

— Нет-нет, там можно просто посмотреть сначала.

— А что там происходит? Деньги, поди, собираете? У меня их совсем нет.

— Ну поём мантры, жжём благовония, молимся...

— Ммм... благовония? — И я посмотрел на початый стакан травы.

— Когда?

— Послезавтра.

* * *

Встречались у Мюзик-Холла. Я издали заметил Перкинса, приближающегося со стороны метро «Горьковская»: он был в длинных, развевающихся белых одеждах, белом тюрбане и экзальтированно улыбался.

— Молодец, что пришёл, как я рад тебя видеть, брат!

Собрание было назначено в пустующем подростковом клубе «Альбатрос» на Петроградской. Молодёжь-подростковёжь в девяностые перестала посещать кружки чеканки и авиамоделирования, а их помещения сдавались в аренду под склады, группы экстрасенсорики, йоги и парапсихологии. На стенах клуба «Альбатрос» среди хоругвей и плакатов Белого Братства, постеров Кришны и православных икон ещё висели чеканки с русалками, а плакат с цитатой Ленина «Учиться, учиться и учиться!» арендатор уважительно поставил у стены. Нам было лет по семнадцать и мы ещё вполне могли записаться на занятия резьбой по дереву и в радиокружок по вторникам и четвергам, а по средам и пятницам — на встречи Белого Братства, или какой-нибудь Школы Психо-Энергетики «Нагваль».

Когда мы зашли в «Альбатрос», дым пачули и ладана производства индийской фирмы «Agobatti» уже стоял коромыслом, вероятно, их там жгли нон-стопом. Братия была немногочисленна — всего человек тридцать, половина — в балахонах и тюрбанах, все — с Петроградской и Чёрной Речки. Оказалось, такие группы есть в каждом районе, и рядовые члены почти не пересекаются. Из тридцати человек местной группы некоторые были лидерами, вокруг которых формировались пятёркисемёрки неофитов. Перкинс, как выяснилось, был тоже кем-то типа звеньёвого, а я должен был поступить к нему в группу, где уже было три человека, и продвинуть его по иерархической лестнице. Над всем этим возвышался некий Виктор, он бывал нечасто, приносил «благословлённые» самой Марией Дэви вино и хлеб, пачки газет и плакатов и забирал пожертвования. Но с ним общались в основном «звеньёвые», сами же звенья мало пересекались.

Мы оба были крепко накурены, а я с утра немного вмазанный. В помещении, под дымовую завесу и песни Марии Дэви, меня сразу накрыло на старые дрожжи — стало тепло и уютно, начало рубить, веки сами закрывались. Потом все приняла по ложечке «благословлённого вина» — до сих пор уверен, что в него что-то было добавлено — ещё немного догнало, песни полились веселее.

Я углубился в смешанное с реальностью марево психоделических полугаллюцинаций. В них Перкинс, в белом, светился радужными цветами, и они расходились от него разноцветными фракталами. Постепенно его изображение начинало мерцать большим портретом Марии Дэви, всё это напоминало индийский фильм. Потом тематика моих грёз сменилась на абстрактные цветочные мандалы, в которых важную роль почему-то играл шиваистский пророк Бабаджи, книгу которого я недавно прочитал.

Служба была в самом разгаре и, видимо, перешла в фазу крещендо: все хлопали в ладоши и маленькие тарелочки-карталы. Кассетный магнитофон, в котором писклявым голосом пела мантры Мария Дэви, надрывался, и почти все тридцать человек хором подпевали, явно приглашая присоединиться к ним сидевших на «скамейке запасных». Неофиты ёжились и смеялись, бывалые кружились по залу, как дервиши, и периодически тянули новичков за руки и одежду в пляс. Некоторые уже поддались и из вежливости пританцовывали, имитируя транс и восторг, внутри, вероятно, как и я, желая сбежать оттуда как можно быстрее, на свежий воздух. Когда Перкинс

заметил, что я «проснулся», он, подскакивая в облаке развевающихся белых балахонов, пытался оторвать меня от скамеечки, на которой я уютно задремал. Я ловко делал вид, что не замечаю его заигрываний, и он вынужденно заходил на новые и новые круги. Он явно был охвачен восторженным безумием: зрачки его расширились, пот лился по лицу, ноги и тело выдавали самые неистовые импровизации. Стало немного не по себе, моя внутренняя скромность говорила, что надо как-то уважить его духовный порыв. Учитывая, что дома лежали три коробка отсыпанной у него травы, а в кармане часть денег, видимо, экспроприированная им из церковных пожертвований. К счастью, adeпты начали периодически останавливаться, падать на колени и бить поклоны. «Аллилуйя! Аллилуйя!!!» — хором выкрикивали они, распласты-

ваясь ниц. Новички удивлённо взирали на это, не владея умением это столь же синхронно повторить.

Когда всё закончилось Саша выглядел, как спортсмен после тренировки или соревнования, на котором он полностью выложился.

— Ну! Теперь ты понимаешь!? Почувствовал, какой мощный поток?!!

— Да, мне понравилось.

И я положил в коробку для пожертвований карманную мелочь. Это было всё, на что я был способен.

— Отлично! Завтра пойдём нести благую весть, буду ждать тебя в двенадцать на Черной речке. Курнём и будем проповедовать. Проверим, насколько тебе это действительно нужно и тверд ли ты в Вере?!

Саша, уже переодетый из балахонов в цивильное, оставил меня на улице и быстрым пружинистым шагом, удалился в сторону своего дома. Я отправился домой созерцать прогрессирующий родительский алкоголизм.

* * *

Помимо того, что поклонники Белого Братства «Юсмалос» обклеили все дома в стране портретами Марии Дэви Христос, они устраивали уличные перформансы около станций метро и в других местах скопления народа, раздавали литературу, жгли благовония. Это называлось «Нести Весть о Втором Пришествии». Я их уже встречал, они одевались в свои балахоны, тщательно и нарциссично укладывая их драпировками и отплясывая, как кришнаиты, кричали кричалки в мегафон. Не избежал проповедничества и Саша.

На следующий день и через день я на Черную речку не пришёл, тусовался в ТамТаме. Однако дня через три трава и деньги закончились, надо было что-то придумывать.

В поисках подлечки я ходил по местным наркоманам и магазинам, подумывая что бы украсть и разговеться, среди прочих мест проходил и мимо ныне восстановленного особняка Салтыковой, около метро «Черная Речка». Он тогда был заброшен, без окон, огорожен забором, за который запросто можно было залезть. И вот иду я вдоль этого забора в размышлениях, тут ли сегодня Перкинс? Ведь у него осталось еще порядочное количество травы. А оттуда, из-за забора, вдруг повеяло таким смачным густым ароматом конопли, что я сразу заинтересовался, что там да как. Зная дыру в заборе, решил заглянуть туда, кто там курит, не Саша ли? Крадусь к готичным развалинам сквозь разросшийся кустарник и вижу там богоугодную картину. На крылечке расположились и накуривались уже нарядные Саша и двое белых братьев из его звена, которых я видел на службе. — Есть чо курнуть?

— На вот добивай, — Перкинс отдал мне недокуренный косяк. — Что, решил присоединиться?

— Ой не, я стесняюсь, тут знакомые ходят, родители.

— Ладно, постереги тогда шмотки, через час-полтора снова накуримся. Мы проповедовать.

— Договорились.

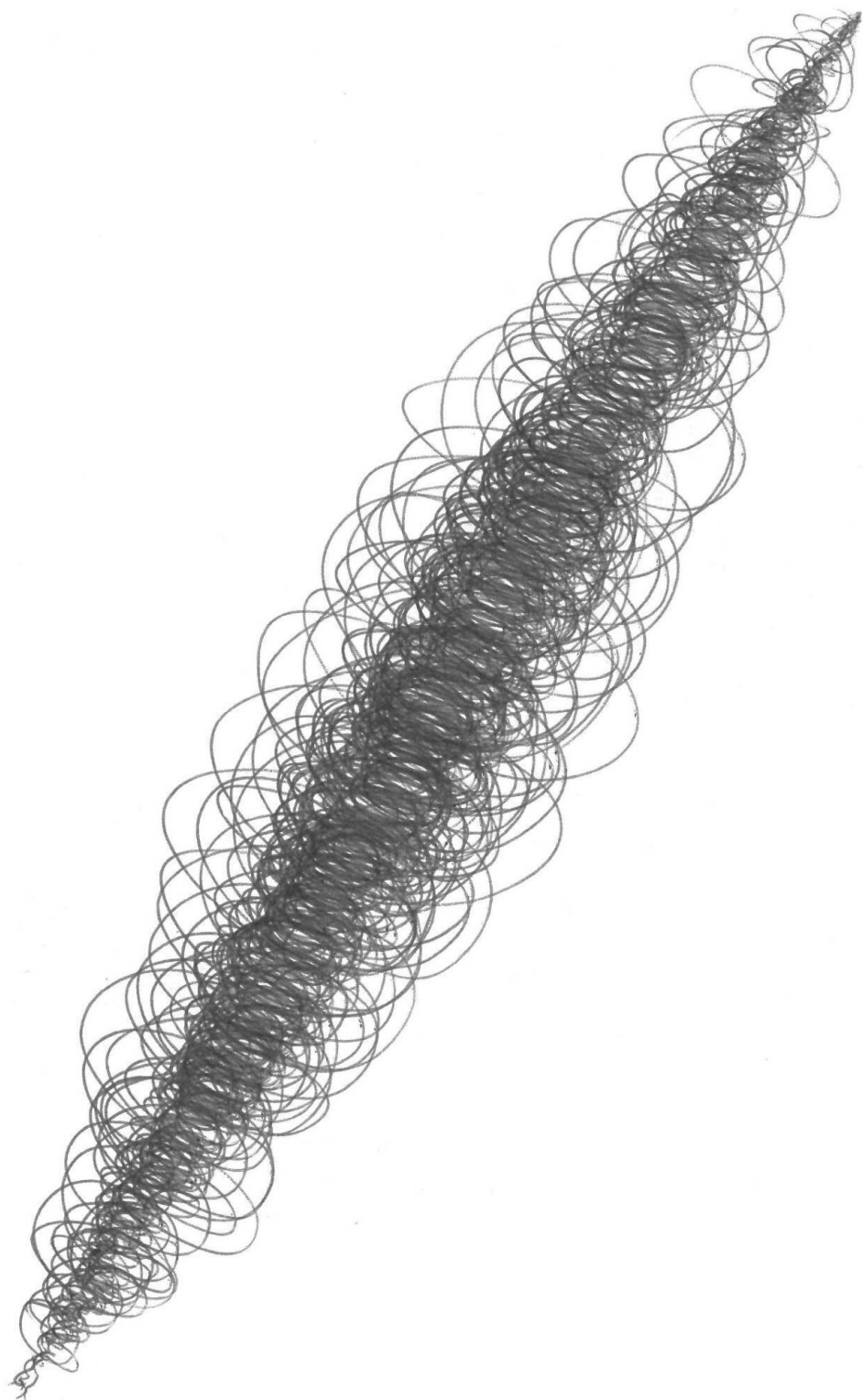
Они поправили белые балахоны, подвели тушью глаза и ушли к метро — вещать и раздавать листовки, а я остался в доме Салтыковой стеречь сумки с гражданской одеждой и решил внимательно изучить их литературу, чтобы поддерживать разговоры на уровне.

* * *

Иерархия в Белом Братстве была простая. Мария Дэви была воплощением не только Девы Марии, но и Иисуса Христа, и, до кучи, самого Господа Эммануила, фараона Эхнатона, Будды,

Исиды, Кришны, Шакти и ещё нескольких египетских, индуистских и других божеств одновременно. Остальные адепты, по мере приближения к эпицентру Белого Братства, как правило, открывали в себе реинкарнации тех или иных союзников Марии Дэви в разные этапы её воплощения на планете. Были среди авторов газеты и апостолы, и Арджуна, явно высок был конкурс на Клеопатру и Нефертити, а Магдалены удивляли своим разнообразием и возрастным диапазоном. Однако одним и особо неоспоримым реинкарнантом был Иоанн Креститель, в миру Юрий Кривоногов, он был с Марией Дэви всегда, даже когда она была обычной украинской журналисткой Цвигун и именно ему принадлежала честь Её Крещения. Позже я узнал, что Кривоногов был талантливым гипнотизёром, учеником самого Виктора Кандыбы и сотрудником киевского секретного НИИ, которое разрабатывало психоактивные вещества: по слухам, которые тогда активно бродили, даже легендарный препарат ВИЛ — «Владимир Ильич Ленин», был разработан именно там.

В текстах Братства, помимо озвучивания Благой Вести о долгожданном воплощении Иисуса и целого сонма великих святых и пророков, обильно славилась Мария Дэви, и более любопытная мне в эзотерике «ментальная» составляющая постепенно уступала место буддическому экстазу, смахивающему на витальную одержимость. Вот, например, что писала Мария Дэви в программном тексте «Новый КиеРУСалим. Алхимическая формула Восхождения», который я тогда прочитал в специальной газете, где были практически только такие тексты. Говорят, они воздействуют на сознание, так что читайте осторожно! С придыханием.

— *Осанна! Осанна Матери Света Марии ДЭВИ ХРИСТОС!*
Ангелы Божьи снимают Покров с новорождённого Белого Святого Града, Имя которому
— *Новый КиеРУСалим: Святый Киевград.*

Ослепительный Венец из жемчугов — на Главе Святого Града. Золотой перезвон Колоколов, сливающийся в Божественную Световую Мелодию Великого Счастья! Сияние ослепляет Вселенную. Льющееся золото вокруг. Облака, окаймлённые кружевом серебристо-золотых оттенков, — у подножия Святого Града, Кружение Ангелов предвосхищает открытие Лица Божия. Матерь Света Предстоит пред Входящими в Новый Иерусалим. Благословен на Жизнь Вечную всяк, входящий Золотыми Вратами! О, Прозрачный, Ликующий Град с двенадцатью вратами во Святая Святых! Боже Света Простёрла Руки пред Входящими, и потекли из Них Жемчужные Струи.

Да Святится Имя Твоё Новое, Матерь Света Мария ДЭВИ ХРИСТОС, на веки веков!

Ступени Постижения Твоей Милости, Сиятельная, недоступны сущностям уплотнённым. Лишь световые тела Твоих Детей способны подняться по Ступеням Твоей Лестницы. Мария ДЭВИ ХРИСТОС, Моя Матерь Богов! 144 тысячи сущности Логосов! Семеро Светлейших! Сиятельная! Ты — Моя навечно! Никому неведома Сила Моей Любви к Тебе, Мой Восторг и Вечное С тремление!

Живой Родник Световой Энергии Любви! О, Мой Оазис! Мария ДЭВИ ХРИСТОС! Ты, наконец, Открыла Свои Врата для Избранных. Их всего 144 тысячи! Они — под крыльями Рождённой Тобой Белой Птицы. Два Крыла Её переливаются Твоими Кроветворными Составляющими. Это — Альфа и Омега. Это — вечное соцветие Твоего Творения. Сказочная, Моя Матерь Света!

Люблю! И расточаю Свет Твоей Любви, трансформируемой через Моё Страдающее Сердце. Примите его жаждущие ступать Световой Лестницей Любви и Всепознания...*

* Здесь и далее в документах, статьях, интервью и манифестах сохранена стилистика, орфография и пунктуация авторов.

ПЕРКИНС

* * *

Стало интересно посмотреть, как там у ребят дела? Разносятся ли Благая Весть, не начали ли бить Вестников Матери Света? Такое, как я помню, часто случалось. Я бродил по помещениям этого брошенного особняка, где снимался советский фильм про Шерлока Холмса, серия про «Кровавые надписи», в надежде отыскать эти самые надписи на какой-нибудь из стен. Безуспешно облазав оба этажа, я вернулся и быстро нашел в Сашиных вещах пакет с травой, набил небольшой, без азарта, косячок, и пролез в башню, с неё открывался вид на площадь перед метро.

Вокруг ребят, которые своими белыми одеждами, нарочито выделялись на фоне серого постсоветского пейзажа, стояла толпа. Один из них держал белую хоругвь с известным каждому портретом Марии Дэви, Саша неистово кричал в белый мегафон, а третий брат раздавал газеты и листовки, которые не избалованный халявой советский народ довольно активно расхватывал. В мегафон лился молитвенный поток Сашиного накуренного сознания, помноженный на речитатив Матери Света, образец стилистики которых я привел чуть выше. Всё это разбавлялось периодическими призывами разбирать литературу и записываться в спасённые, ехать в Киев и утончать свои грубые тела, до лучезарно энергетических вибраций и, конечно же, скидывать пожертвования. Светило солнышко, в моих глазах играли лучики, а полубред Перкинса напоминал выступление Михаила Сергеевича Горбачева.

— Вступайте в Белое Братство «Юсмалос», Конец Света Ближе! Только Мария Дэви Христос гарантирует переход на новый цивилизационный уровень! Аллилуйя!!! Все, кто не услышит Весть, сгорят в огненном пламени! Аллилуйя! Аллилуйя!!! — И ребята-коллеги Пер-

кинса вторили в унисон: — Аллилуйя! Аллилуйя!!! Пополни ряды ста сорока четырёх тысяч спасшихся в Киеве!

Часа три ребята строчили кричалки как из пулемёта, и несколько пачек газет впитались в поток спешивших по своим делам людей, растекаясь по домам страждущих духовного опыта. Уставшие, но довольные, раздав последние газеты, разгоряченные ребята вернулись в особняк, и мы набили каждому по большому косяку.

— Ты почувствовал, какой сегодня был мощный поток?! — Блестя глазами восторженно спросил меня Саша, и оба друга с тем же вопросом уставились на меня, подчиняясь старшему.

— Да было очень сильно, я из башни смотрел. Странно, что на вас никто не кинулся, такая энергетика!

— Бывает, в основном сектанты из Православной Церкви.

Мы за них молимся, а они дерутся. Бесы их крутят, дьявол.

Однако пожертвований набралось не так уж и много, хватило бы на коробок травки, ну может, на два, но не больше. Мелочь ссыпали в специальный, расшитый магическими знаками, мешочек. Остальное поделили, оказалось, в Братство они относят только процентов двадцать, и проповедовать, это как работать.

Договорились, что я приду в «Альбатрос», но для моего крещения необходимо было расклеить пачку афиш с Марией Дэви, сделать пожертвование и платить десятину с доходов. Мне показалось, что жертвовать заработанные на траве и наркотиках копейки «во спасение души» глупо, а других доходов у меня не было и не планировалось. Расклеивать афиши и скакать в белых одеждах я стеснялся, короче я остро почувствовал себя неполноценным для Белого Братства. Сконцентрировался на ТамТамовском панк-роке и психоделических наркотиках, которые там активно продавались, да чтении книг Карлоса Кастанеды, новые и новые тома как раз тогда выходили в русских переводах, раз в пару месяцев.

* * *

Честно говоря, про Белых Братьев с первого же посещения их собрания как-то сразу стало всё понятно. Конец Света мне тоже казался близким, в районе миллениума как максимум, но не настолько, как у них. В 1996-м они планировали «глобальный планетарный переход». В их литературе, которой я набрал у Перкинса и прочитал, подозрительно много писалось,

ПЕРКИНС

что несколько тысяч избранных, должны были «омыть своей кровью», как машинным маслом, шестерёнки космической эволюции человечества. Уничтожив во имя просветления более тонких тел, свои физические оболочки и реинвестировать освободившуюся энергию в тела выше ментального. Другими словами — совершить ритуальное самоубийство. Я был готов быть уничтоженным ядерным апокалипсисом или через инкарнирование в грубую постсоветскую реальность сокрушительных энергий Люцифера, или просто погибнуть в гражданской войне, но самоубийство совсем не входило в мои планы. Слишком уж однозначно все остальные учения высказывались на этот счет, чтобы верить одной Марии Дэви. При всём уважении к Сашиному жизненному подвигу, я уже осваивал «контролируемое сновидение», гипноз, йогу, тамтамовскую кислоту и панк-рок. На их фоне Белое Братство было слишком очевидным коллажем, хотелось реальной магии, чудес, сверхспособностей с точки зрения их овладения, а не созерцания их у киевской панночки.

Перкинс надолго растворился. Я, что греха таить, торчал как цуцик, ходил по клубам и читал оккультную литературу тоннами. Прошло года два и, продолжая духовные поиски, однажды я почти переломался и оказался на проповеди Виссариона, которую атаковали Белые Братья.

В партере зала ДК «Ленсовета» как грибочки вскакивали по очереди ребята и начинали кричать белиберду про Сияющий Свет Матери Мира, требовать от Виссариона покаяться, проклинали, посылали энергетические удары скромно улыбавшемуся Виссариону и вдруг глядь! Бааа! Перкинс! Решил вставить свои пять копеек в битву двух якудзун.

— Покайся, лжец! Покайся! Иначе тебя дематериализует до будхического тела! Прими Истинную Веру Марии Дэви Христос, Матери Мира! — Орал Перкинс Виссариону, когда его выносили вон из зала.

— А! Ты! Тут! Будь проклят! Предатель! — Крикнул он мне.

Мне было смешно. Больше я его никогда не видел. Не исключая что выжил.

ОБЩИНА

По вере вашей да будет вам.
(*Иисус Христос, Мф. 9, 29*)

Ломало в этот раз несильно, но обстоятельства были необычные: верхняя полка плацкарта поезда Москва-Абакан — семьдесят шесть часиков, я ехал в Землю Обетованную, в Сибирь, к Учителю Виссариону, новому воплощению Иисуса Христа. Было лето, начало июня, шел девяносто четвёртый год. К поездке я готовился давно, но только пару месяцев назад заработал «чистых денег», устроившись дворником, чем сразу снискал дурную славу у районных пацанов, торчков и старух у подъезда.

Деньги в общем-то иногда у меня водились, был хороший барыга и на ханку, и на травку. Были и покупатели, исправно отстёгивавшие мне долян «за ноги». Так что я всегда был вмазан, при сигаретах и накормлен сливочным поленом, которое наравне с лапшичкой было основной пищей наркоманов, то есть моей. Но я счел, что на наркоманские деньги, нехорошо покупать билет в Вечную Жизнь, к тому же, надо было начинать прорабатывать Эго. Мне меньше всего хотелось работать дворником, но все равно никуда не брали, так что я расценил это как Волю Божью и решил ей не противиться.

К тому времени я уже год ходил в Центр Виссариона на

Большой Подъяческой — часть скульптурной мастерской Саша и Коля в цокольном этаже была отдана под подобие бесплатного видеосалона, где собирались последователи Учения. Саша и Коля почти официально считались реинкарнациями апостолов Петра и Павла, правда, я так и не понял, кто из них кто? Вероятно, Саша — он был поменьше ростом и более

разговорчивый — Павлом. А Коля, более молчаливый и косматый, являлся Петром. Но это неточно. Возможно, наоборот.

Основными завсегдатаями были старушки и тётеньки за пятьдесят, но также встречались молодые персонажи разной степени экзальтированности. Там было тепло, и монотонный голос Виссариона умиротворяюще струился из динамика нового японского телевизора, собирая человек по сто.

Я был рад поводу хоть куда-то уехать из родного района. Садился на трамвай «двойку» и трясся в нем с Торжковской до Садовой через все достопримечательности Петербурга, а обратно ездил на метро.

До знакомства с учением Виссариона, я уже посещал курсы йоги и по книжкам пробовал разные психопрактики. Узнав от друга Сливы, что в Сибири, прямо на границе главного шаманского региона — Тувы — существует Община, очень заинтересовался. Поэтому, увидев расклеенные по всему городу афиши Его проповеди, в означенное время явился в ДК «Ленсовета», куда раньше ходил только на рок-концерты и дискотеки.

Та проповедь была особенно горячей, потом о ней ходили легенды. Дело в том, что о ней прознали в Белом Братстве, и его последователи решили показать Виссариону «кузькину мать». Нашпиговав собой партер, белые братья вскакивали с мест и кричали благим матом какую-то свою абракадабру, суть которой сводилась к тому, что Виссарион никакой не Христос, а подлинный Христос — это Мария Дэви Христос, и что Виссариона поразят громы и молнии. Виссарион эффектно парировал, что он не есть вернувшийся Иисус, что он мол Слово Божье, а Иисус, конечно, тоже был Словом Божиим, но для другого времени и по-другому. Белых братьев, многие из которых буквально начинали бесноваться, вежливо выводили и выносили из зала, они накапливались в фойе и пытались взять штурмом основной зал, выломав массивные деревянные двери, которые последователи Виссариона придерживали с другой стороны.

Когда белые братья закончились, вступили баптисты-евангелисты с каверзными вопросами по знанию Виссарионом Библии. У Виссариона, объявившего себя «Словом Бога = Истиной в высшей инстанции», нашелся гениальный ответ:

— Ну вот ты выучил Библию, но постиг ли ты Истину?!

— Нет, — отвечал фраппированный баптист.

— Так иди и постигай!

В общем Виссарион мне понравился, к тому же он много говорил о Единой Вере, в которую входили все религии, включая восточные и шаманизм, особенно интересовавшие меня. Я познакомился с некоторыми последователями, набрал себе литературы и начал ходить на Подъяческую, стараясь перед этим сильно не упарываться.

* * *

Ходил я ходил, читал книжки, пока однажды, за пару месяцев до отъезда в Общину, не случилось событие, которое я счёл Знаком от Господа. А именно — мой первый передоз. На тот момент моя доза была около половины грамма ханки — специально проваренного опиума. Грамм разводили на десять кубиков, я употреблял в два приема: утром ставил себе два-три кубика и вечером столько же. А тут как-то так вышло, что утром ничего не было, мы искали-искали и нашли только вечером, уже готовый раствор у нового барыги на Пархоменко. Взяли по пятёрке, но так изголодались, да и наутро уже была схема, что всем сразу и поставились с другом Ванчуром, прямо у барыги в парадной, чтобы двигать домой уже без палева. А раствор оказался крепкий. В общем, открываю глаза, сижу скрючившись на лавочке под ночным снежком, весь заблёванный, и не помню, как там оказался, — передоз.

Выскочил барыга, начал ругаться, что нашел меня прямо под дверью уже синего. Дружок мой сбежал, меня бросив помирать, и ему пришлось меня откачивать, выводить на воздух, по ходу дела блюющего себе на грудь.

В общем, ничего особенного: просто засыпаешь — никаких туннелей и ангелов я не увидел, скорее туннель был, когда я очухивался, но выскочил я не в сад с гуриями и не пред очи Архангела Михаила, а в свою обычную реальность. Я понял, что не на правильном пути, что либо истину постигать, либо сторчусь и сдохну как-нибудь вот так, а то и еще в тюрягу посадят. Короче, знак, не имеющий разночтений.

Сначала думал сразу завязать, но куда там — то Ванчур пришёл «извиняться» с растворчиком, то ещё кому-то надо, а спинка болит, ножки крутит... Но дозу скинул до трёх кубов и устроился дворником, твёрдо решив ехать в Сибирь — не Истину найду, так хоть переломаюсь нормально.

* * *

Из Питера в Москву приехал утром, еще вмазанный. Сходил на Красную Площадь, но до одиннадцати вечера, когда мне надо было встретить группу общинников и сесть с ними в другой поезд, была ещё уйма времени. Известное дело, в Питере наркотики всегда можно было купить на Дыбенко или на Некрасовском рынке, а про Москву я слышал, что есть точка на Лубянке, в переходе. Ноги сами, автоматически, меня туда и принесли.

Кеша опытному глазу был замечен и понятен метров с трёхсот: явно на кумаре, он рыскал взглядом по прохожим, наши взгляды пересеклись.

— Есть чо?

— Нет, но могу размутить, если раскумаришь.

— Надо пятёрку, двушка тебе.

— Через час человек подойдёт, оформим.

— Замётано.

— Пойдём тогда отсюда, чтобы не отсвечивать, а то тут ментов полно.

Обошли вокруг здания КГБ, оставалось ещё минут сорок. Разобравшись, что я не местный, Кеша решил провести мне экспресс-экскурсию по Москве. Плутанули по каким-то улочкам и подворотням вокруг Лубянки.

— Вот тут аптека, бабки торгуют муляжкой и демидрол можно купить, тебе не надо демидрол?

— Нет, не надо.

— Жалко, можно было бы взять, — Кеша расстроился, любил видимо демидролька в раствор по克罗шить, а денег нет. — Вот тут в скверике, раньше отличный раствор продавали, но потом сюда какие-то бандиты заселились и всех выгнали.

А вон там с квартиры банчили, но чел крякнул... — Слушай, а чувак твой не опоздает?

— Не, ты что, он в армии служит, в кремлёвской роте, они прямо в казарме варят и его сюда каждый день в одно и то же время отпускают. За бабками. Армейская дисциплина!

Я вспомнил, как утром на Красной Площади наблюдал смену почётного караула у Вечного Огня, даже не подозревая, что один из этих солдатиков принесёт мне сегодня вмазаться.

Так и прошли сорок минут экскурсии.

Мы были на месте, караулили караульного. Барыга был высокий, румяный соломенный блондин с небесно-голубыми глазами, в которых только пристрастный наркоман разглядит излишнюю суженность зрачка и ту особенную печалинку, которую накладывает опиум. Но печаль в глазах Геры — так его звали — была окружена холодом и сталью военной вышколенности и дисциплины. На Кешу он смотрел свысока, с брезгливостью взял деньги и отдал ему фурик, тут же исчезнув.

В ближайшей парадной я достал новый, купленный в ларьке на Лубянке, шприц и быстро заправил свои три кубика. В нос шибануло демидролом, но на вчерашние дрожжи легла небольшая новая тяга. Кеша не имел своего шприца, взял мой и, не промывая его, выбрал остатки раствора — вышло чуть больше двух кубов с розоватым оттенком.

— Два и два децела! — Восторженно констатировал он и обнажил руку с огромным колодцем на сгибе.

Колодец — это место, в которое ширялись уже десятки раз, которое не заживает и куда можно просто вставить иглу и загнать необходимое, слегка расковыряв засохшую корочку.

Закурив сигаретку, я постарался Кешу максимально быстро оставить и поехал на Ленинградский вокзал.

Ждать общинников оставалось ещё часа три. И я, уютно устроившись в привокзальном видеосалоне, с закрытыми глазами просмотрел фильм с Чаком Норрисом. Попил лимонадика и вот, я уже помогаю перетаскивать чемоданы с Ленинградского на Казанский вокзал татарке Назире. Все мои вещи поместились в рейверский рюкзачок — трусики-носочки, щётка-паста, пара книжек и варган, а Назира убежала от мужа в Страну Обетованную, пребывала в невероятной экзальтации по этому поводу и затарилась по максимуму. С ней приехала семейная парочка мрачных хиппи и бабка с внуком на одной полке, которые ехали к его родителям на летнюю побывку. Они все вместе выкупили купе, а я ехал через пару вагонов от них, один, в плацкарте.

Первые сутки в поезде были нормальные: намаявшись за день, сначала я долго смотрел в окно, а потом крепко уснул и проспал часов двенадцать. Утром разбудили обвешанные бокалами, супницами, графинами и тому подобной, сверкающей требухой продавцы хрусталя в Гусь-Хрустальном, где был завод, выдававший зарплату этим товаром, и они атаковали поезда, чтобы сбыть хоть часть некогда дефицитной продукции.

Я почитал книжку Виссариона, рассказал всем соседям, куда еду и зачем — нёс Весть о Втором Пришествии, сходил попить травяного чайку к виссарионовцам в купе и съел там пару

веганских бутербродов с огурцом. Соседи по плацкарту полностью сменились через сутки. Заснуть стало невозможно — начало тянуть спину, хотелось то пить, то в туалет, сосредоточиться на чтении тоже было невозможно. А к вечеру второго дня стало совсем не до несения Вести, я уже лежал, накрывшись мокрой простынёй, в холодно-жарком поту, периодически колотясь в ознобе.

Поскольку, помимо наркотиков, в поезде я решил заодно бросить курить и перейти на веганство, на остановках я просто выходил из вагона и молча сидел в прострации, повторяя в голове кашу из обрывков мантр, молитв и позитивных установок.

Общинникам я сказал, что, вероятно, приболел, они отпаивали меня чаем с вареньем, а потом эту сладкую смесь я выблёвывал по пути в свой плацкарт. Как-то ночью, купив у проводника чай, я обнаружил, что на чане с кипятком сушится пачка сигарет неизвестной мне отечественной марки, и тут же вытащил пару штук. Некоторое время колебался, но на одной из ночных остановок всё-таки незаметно от вассарионовцев решил покурить. Спичек не было, но это была не проблема, проблема была в том, что сигарета не тянулась совсем. Можно было её поджечь, как карандаш, но втянуть в себя дым было нереально. Только отломав две трети, я умудрился всосать в себя пару жадных затяжек невероятно кислого дыма. К моим хворям от этого дыма прибавились сразу три оскомины на языке! Я, разумеется, посчитал это знаком от Господа и незаметно положил вторую сигарету обратно в пачку, окончательно решив не курить больше никогда.

* * *

В вассарионовском купе обстановка закручивалась вокруг Назиры — гиперактивной женщины лет сорока — хиппи читали книжки Рериха на верхних полках, а бабушке с внуком пришлось слушать её истории и пророчества. Назира считала, что едет к Виссариону-Христу не просто так! В его последнем воплощении они пересекались, должны были пожениться, но что-то там пошло не гладко и их кармические Пути разошлись на две тысячи лет. За это время Назира прожила несколько жизней, кажется, одна из них была жизнь Жанны д'Арк, а вторая — православной святой Февронии, были ещё, но я не запомнил. Ну, а теперь предначертание должно было соединить её с Виссарионом, о чем у неё было видение, когда она была в отпуске с мужем, в Иерусалиме.

За три дня хиппи, видимо, и не такого наслушались, а бабушка, божий одуванчик, вынужденно играла заинтересованность потоком сознания Назиры. Мне она рассказала, что в прошлой жизни, совсем ребёнком, я был на распятии Христа и кричал со всеми «Распни», но неосознанно, поэтому родился теперь у родителей-алкоголиков — о чём я простодушно всем сообщил при знакомстве в первый день поездки. Смекнув, что я увлекаюсь восточными учениями, она добавляла, что я много инкарнаций прожил на востоке.

— Весь восток! Весь восток! — Кричала она на весь вагон. — И Китай, и Персия! Я вижу тебя в золоченом халате и чалме!!! Суфий! Ты был суфий! Суфий и даос! Но это холодные учения, надо больше тепла! Открой Сердце! За этим ты воплотился в Последнее Времена! — Верещала она, и её крики отдавались глухой болью в моём абстинентном позвоночнике.

Третий день ломки с ханки — это когда к ней немного привыкаешь. Это с героина на третий день ты не можешь ходить, а тут всё-таки стало сильно полегче. Поэтому, когда приехали в Абакан, я смог передвигаться, и Назира тут же вручила мне свои гигантские чемоданы с нарядями. Я воспринял это как Знак того, что надо развивать смирение, не злиться и не жаловаться. Потев и скрипя, я дотащил их от поезда до электрички в Минусинск.

Над головой кружились то ли орлы, то ли ястребы-тетеревятники, то ли какие-то стервятники, вероятно, охотившиеся на абаканских голубей. Небо было высоты невероятной, с кучевыми облаками размером с гигантские, оторвавшиеся от земли небоскрёбы. Светило солнце,

было градусов тридцать жары и ненормально чистый, после столиц и поезда, воздух. К счастью, в пригородной кассе, до которой было метров двести от поезда, мы встретили группу других общинников, которые освободили меня от Назириных чемоданов, и мы все вместе отправились в Минусинск.

Среди общинников обнаружилась женщина лет пятидесяти, с которой попутчики держались явно настороженно, с ней у Назиры сразу случился конфликт. Женщина приехала в Общину уже больше года назад и в прошлое Пришествие тоже как-то там пересекалась с Иисусом и тоже должна была выйти за него замуж. Помимо всего прочего, в предыдущей жизни она была воплощена ни много ни мало как Елена Петровна Блаватская! В общем, имела на Виссариона виды и даже «права», но уже была им отвергнута и смотрела на Назиру снисходительно. Назиру это предсказуемо взбесило, и она начала с ней склочничать. Под этот аккомпанемент мы доехали до Минусинска, где нас определили в разные гостевые квартиры.

* * *

Я заехал на побывку к питерским девочкам, где спал на матрасике, приходя в себя. Очень кстати пришлась «огненная болезнь» — от резкой смене климата и экологии, приезжавшие в Сибирь советские инженеры и бабушки, да и здоровые мужики начинали хворать, акклиматизироваться, что воспринималась как «чистка». Симптомы оказались очень похожими на мои, так что никто не понял, что меня ломало.

Чтобы остаться жить в Общине, нужно было в течение первых трех дней получить Благословение Учителя, и все неофиты стягивались на улицу Спартака. Тогда на Спартака, жил сам Виссарион, а в одном из соседних домов, было что-то типа его приёмной и офиса Церкви Последнего Завета и Общины Единой Веры.

Назира и хипари прихватили меня с собой, и мы пошли пешком по Минусинску. Назира ахала и охала от всего, что встречала на пути. «Ах Какой цветочек! Ох какое дерево! Ах какой дом! Ах какое небо! Ох какое облачко! Неужели вам всё равно, вы только посмотрите!» — Назира всегда должна была быть более чувствительной и подчеркивать это перед окружающими. Ну, а когда проходили мимо дома Виссариона, она упала на колени прямо на улице и начала истово молиться. «Какой поток! Какая энергетика!!! Как вы не понимаете, тут живет Христос!? Я вся переполняюсь!» — как в бреду причитала Назира, а мы с хипарями пытались её поднять и довести до приёмного покоя в соседнем доме!

В двухкомнатной квартире собралось около пятидесяти человек — общинники из разных деревень и свежеприбывшие неофиты вроде нас. Виссарион с Вадимом Редькиным принимали в отдельной комнате. На кухне сидел общинный староста и записывал всех «с их слов», не спрашивая паспорта, фиксировал по именам и городу прибытия. Его интересовала только специальность, желательно строительная. Так как у меня не было никакой, он быстро потерял ко мне интерес, вписав данные в толстенную книгу, типа бухгалтерской.

В гостиную набилась толпа людей, и народ все прибывал. Усаживались на пол — в единственном кресле тут же расположилась Назира. Она, принимая эффектные позы, то впадала в задумчивость, то восторженно рассказывала что-то и флиртowała с бывалыми общинниками. Пока ждали очереди на приём, я познакомился с иконописным хиппи Борей, которого пару раз видел в питерском центре Виссариона.

Боря работал сторожем в местном краеведческом музее и считал это большой удачей, потому что там платили денежки, а основным его увлечением была астрология, и он пообещал мне рассчитать подробный гороскоп.

Виссарион принимал группами, в порядке живой очереди, Назира, разумеется, настаивала на личной встрече, даже присутствие Вадима её не устраивало. Однако пришлось зайти вместе с нами. Виссарион и Вадим сидели в креслах, перед ними лежал потертый советский

ковёр. Вадим что-то постоянно записывал. Как только открылась дверь, Назира ахнула и тут же рывком метнулась вперёд и припала к ногам Виссариона губами. Ноги в чистых белых носочках, выглядывавших из-под красного хитона, не шелохнулись. Виссарион явно видал и не такое — она что-то лепетала про прошлую карму, он, улыбнувшись, погладил её по голове и попросил всех сесть на ковер.

Вопросов у меня к нему не было, если надо, то Всеведующее Слово само мне всё скажет. Хиппи спросили что-то про покупку и строительство дома, потом все дружно помолились и Благословение было закончено.

Назира не хотела уходить и пыталась остаться рядом с Учителем, свернувшись как собачка в его ногах, но её настойчиво выпроводили — кармичность её с ним встречи предсказуемо оказалась ею сильно преувеличена.

* * *

Адаптационные дни прошли, остатки денег я раздал, нужно было искать какую-то работу. Староста в церкви и питерские девочки направляли всех в Малую Минусу — посёлок в пяти километрах от Минусинска, где строился большой Общинный Храм, он же дом, где должен был жить Виссарион. Там «всегда нужны руки», было двухразовое веганское питание — завтрак и обед. Поскольку я ничего делать не умел, то в основном носил доски, выносил стружку и обрезки дерева.

В доме не было окон, но было лето, и приятно пахло свежеструганным кедром, я оставался там на пятидневку, а в выходные ходил пешком в Минусинск, собирая по пути самоцветы, которые иногда встречались среди придорожной гальки — пытался ходить в ювелирный кружок. Материал был, но в кружке не было инструмента и все в основном занимались лепкой. Потом я ходил на «швейку» — швейную мастерскую, пытаясь научиться шить, но там наоборот, не было материала. Я обошёл все музеи и зашёл в гости к Боре, в краеведческий, за гороскопом.

Узнав мою дату рождения, Боря аж отшатнулся: сказал что всё проверит, а когда я пришёл за результатами, его было не узнать.

— У тебя Солнце и Юпитер в одном градусе!

— Это плохо?!

— Ну как сказать, это огромное эго и несокрушимость одновременно! Ты скорее всего организуешь своё учение, но общаться с тобой мне вредно.

— Почему?

— Потому что у меня уже есть Учитель, а ты, получается, еретик! Или им станешь.

Короче, общение не задалось.

* * *

Чтобы не слоняться по стройке без дела, нашел себе дополнительную нагрузку. На летучках, постоянно жаловались, что не хватает материалов. Вынося обрезки дерева, я обнаружил, что вместе с ними в костер, который жгли каждую субботу на ирисовом поле под звёздами, идёт огромное количество гвоздей, что нерационально и засоряет экологию. Вооружившись плоскогубцами, молотком и кувалдой, я принялся за их извлечение и «излечение». Держа скрюченный гвоздь плоскогубцами, я клал его на кувалду, как на наковальню, и, аккуратно простукивая молоточком, возвращал к жизни, одновременно сортируя гвозди по калибру.

На третьей неделе работы в Малой Минусе ко мне подошёл плотник Максим — высокий чернокудрый парень с горящими чёрными глазами — и молвил:

— Слушай, есть халтура, платят деньги!

— Криминал?

— Нет, — рассмеялся он. — Набираю бригаду, чтобы поехать в Кызыл и там разобрать дом. Ломать — не строить, думаю, ты справишься. Беру ещё двух человек, все свои, неформалы.

— Согласен.

И вот мы — четверо обалдуев, набитые в лохматые Жигули, с водителем тувинцем, который слушал мою любимую группу «Я-Тха», — мчимся по дороге в окружении холмистых степей. До Кызыла было километров пятьдесят, но в сам город мы заехали только однажды. На пути туда посетили местный Дацан, магазин и поехали ломать дом.

Домишко был бревенчатый. В первый же день сняли крышу, на второй и третий — разобрали венцы и нутрянку. Работали на полную, ели мало и, как только темнело, валились спать прямо под открытым небом. Подписали все детали и закидали в Камаз, который стремительно отчалил в одну из виссарионовских деревень, где его уже ждали, а мы поехали обратно в Минусу. Важно отметить, что вокруг дома во множестве встречалась дикорастущая конопля, которую, хоть меня и подмывало, я не стал курить — поступок, равный подвигу, впрочем, ходили слухи, что она беспонтовая.

* * *

Уже давно я приметил, что с минусинского автовокзала ходят автобусы в Шушенское — то самое, где отбывал ссылку Ленин. За халтуру мне заплатили деньги, и я решил отправиться туда, посмотреть, что там и как? Всего какой-то час в автобусе, и я в деревне-музее.

Ожидая увидеть покосившуюся избышку с бюстом Ленина в огороде, я попал в деревню-музей, где целые улицы остались такими, как были в конце девятнадцатого века, когда там жили Ленин и Крупская. Трактир, лавка, почтовое отделение, дом крестьянина, конюшня, хлев инсталлированы так, будто обитатели только что вышли — всё пребывало в образцовом музейном состоянии. Шатаясь по улочкам, купил пирожков с капустой и местного кваса, рецепт которого, по словам экскурсовода, так нравился Ленину.

Особенную гордость сотрудников деревни-музея, питал тот факт, что Ленин и Крупская именно там, в Шушенском, официально поженились. Бесконечные сравнения с женами декабристов сыпались как из рога изобилия. А когда в мемориальной ленинской избе мы зашли в их спальню и подошли к брачному ложу Владимира Ильича и Надежды Константиновны, тётенька-экскурсовод с выщипанными бровями и высокой причёской с узелком на макушке, понизила голос до патетического шепота:

— Это — брачное ложе Владимира Ильича и Надежды Константиновны.

Там запрещалось смеяться и громко говорить, как в Мавзолее, где я побывал недвно, но мне удалось незаметно погладить знаменательную кровать.

* * *

В Минусе я прижился, но очень хотелось в настоящую тайгу, где деревья растут, переплетаясь ветвями, звериные тропы, и совсем нет людей, кроме виссарионовцев и староверов. Я ждал какого-нибудь Знака, который мне подскажет, куда и зачем ехать. И получил таковой.

На костер в Минусу пришла та парочка хиппи, с которыми я приехал — как выяснилось, они покупали дом в Курагино и нуждались в помощи и обустройстве. Долго уговаривать меня было не надо, я купил билет на электричку, которая шла три часа, и приехал к ним.

Курагино — это большой посёлок, районный центр территории размером со Швейцарию. Там даже ходило два номера автобусов, на одном из которых я доехал до нужной улицы, — не тайга. На следующий день приехал огромный Камаз, привезший тридцать кубометров берё-

зовых и кедровых чушек, которые надо было порубить на дрова. Мне вручили два топора — колун и обычный, было назначено их все порубить и сложить в сарае. Дрова до этого я никогда не рубил, но с энтузиазмом взялся за дело.

Большим открытием оказалось, что колун отскакивает от чушек, а обычный топор просто втыкается в них, и что потом, его оттуда не так-то просто извлечь. Сбив себе все руки, сначала до волдырей, а потом и до крови, я с грехом пополам, разрубил к вечеру несколько самых маленьких поленьев, большие — мне решительно не поддавались. Изводя запасы лейкопластыря, я бился над этими дровами почти неделю, но куча практически не уменьшалась. В библиотеке у хиппи я обнаружил самоучитель по ци-гун и возобновил практику, совмещая упражнения с молитвой и рубкой дров, но узловатые и сучкастые колоды всё равно не поддавались. Я начал впадать в отчаяние и малодушно подумывать о бегстве поближе к тайге.

Подходящей деревенькой виделась мне Мульга, куда буквально за пару недель до моего приезда в Минусу, переехал мой питерский приятель Слива. Но Мульга была в «зоне» особого приближения к священному для Общины озеру Тиберкуль. На переезд в «зону» надо было спрашивать особое благословение у Виссариона. Верующий я человек или нет?! Господь поможет и благословит, подумал я, и в одно из воскресений, поехал к Виссариону.

* * *

— Так мол и так, хочу переехать в Мульгу, благослови, Учитель! — жутко стесняясь, спросил я у Него.

— А почему нет? — ответил Он.

— Так что, могу ехать?

— Ну да, только начатые дела закончи и езжай.

Начатые дела... Начатые дела, бл... «Дрова доруби и езжай», — понял я Глас Божий, купил в аптеке три мотка лейкопластыря и грустный поехал назад в Курагино. Ну ничего, если Сам Виссарион подумал за меня, как-нибудь организуется, будет какой-то Знак, главное — не прекращать рубить.

С утра я уже был на посту, тщательно слепив аппликацию из пластырей, защищающую наиболее уязвимые, равно стертые места на руках. Сделав гимнастику и помолившись, я принялся с новой силой долбить по дровам топорами, впав в мазохический транс.

— Слушай! — Раздался голос за моей спиной. — Ты городской, что ли?!

Я обернулся. У забора дома напротив, на лавочке, периодически сидел с сигаркой дедушка.

— Ну да.

— Заметно. А откуда? С запада?

— Не, не с запада, из России, из Петербурга.

— Так Петербург для нас — запад.

— А, ну да.

— Не бывал, только в Москве проездом бывал. Ты что с дровами-то делаешь?

— Ну как что, рублю.

— Что-то непохоже.

— Ну вот топор, вот дрова... Рублю.

— Ты что, никогда дров не рубил?

— Никогда.

— Вся улица смеётся с твоих гастролей уже. Дай-ка колун. Смотри.

Берет колун, ставит измочаленное мной полено, которое я отложил как точно неразрубабельное. И попыхивая сигаркой — хрясь! Одной рукой распускает его надвое... Я опешил.

— Ты по сучку бей, а не против, по сучку оно само идёт по волокнам. — Берёт ещё одно «сложное» полено и действительно — хрясь, и полено, как сухая лапшичка, распускается надвое... — Попробуй.

Беру у него колун, ставлю полено.

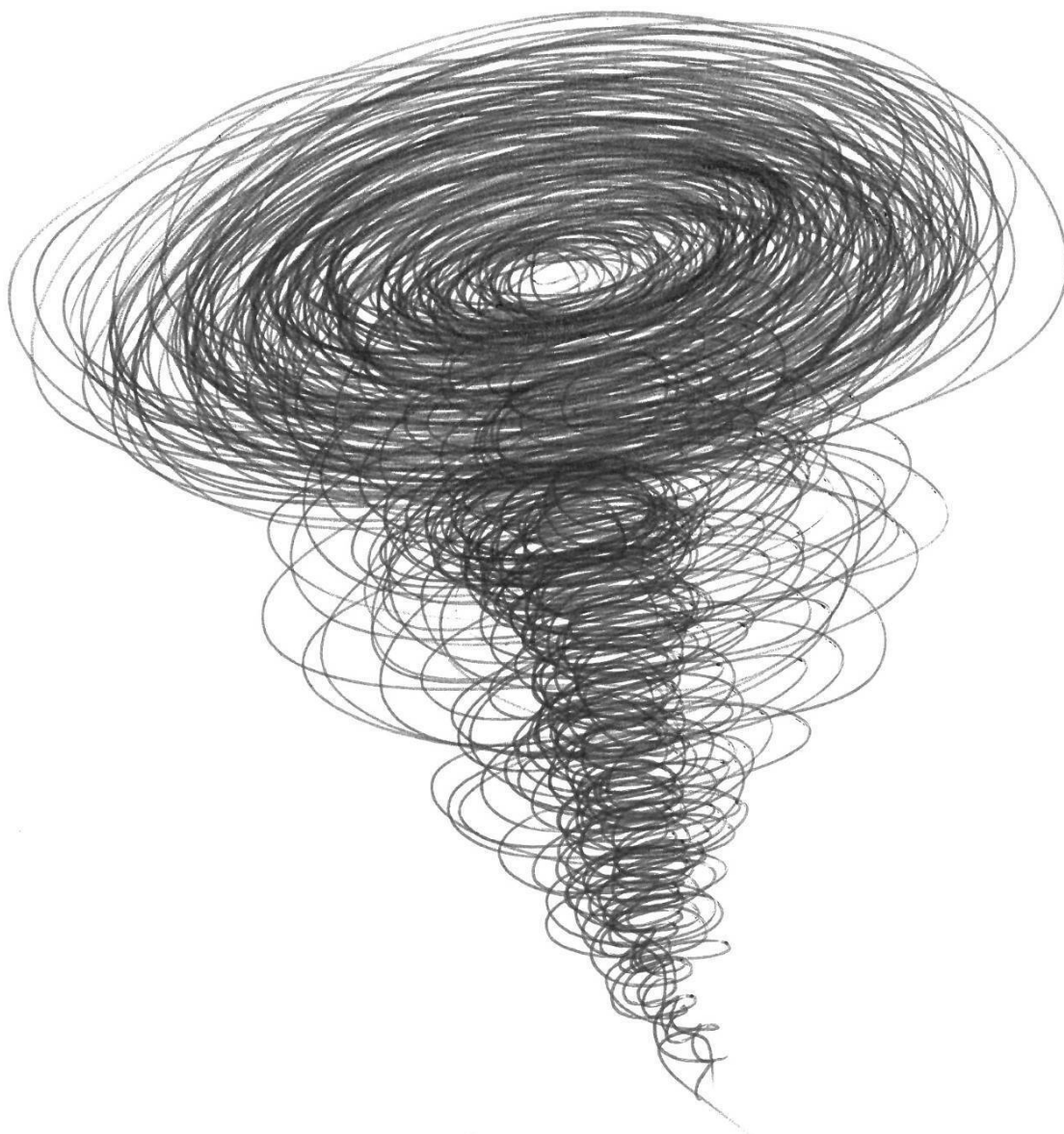
— Вот сюда бей.

Хрясь! И, о чудо: колун входит в полено как в масло.

— Ну вот так и работай. А то стучишь под окном как дятел.

Докурив сигаретку, дед с чувством удовлетворения скрылся за калиткой своего дома.

Я управился за два дня. Оказалось, если умело, то колоть дрова даже приятно. Как дело пошло, даже хиппи вылезли ко мне на мастер-класс и с удовольствием помогали рубить, да складывать дровишки в сарай. Получив от них за халтуру, я купил деду поллитрушку — думал, что грех, но ничего лучше придумать не смог — и незаметно от общинников, вручил ему с благодарностью, подловив на лавочке.

— Ооо! С уважением! Как раз пятница. — Просиял дед, и не подозревая, что стал инструментом Божественного Проведения, вручил мне литровую банку дикого меда, который сам собирал в тайге.

* * *

До Курагино электрички ходили три раза в день, а вот дальше — только один раз — туда и она же обратно. Проехав три часа от Курагино, петляя в коридоре из нависавших над ней деревьев, электричка выскочила к огромной, изумрудного цвета, реке и шла над ней, на высоте нескольких десятков метров по скалам, периодически занырявая в прорубленные в камне тоннели. До горизонта раскинулись виды поросших тайгой Восточных Саян.

Я вышел на станции Журавлёво. Тогда это была деревенька домов на сто со своей станцией и магазином, меня никто не ждал, а мне надо было переправиться через реку, так как Мульга, куда я стремился, была на том берегу. Моста туда не было, был паром, но его, пару лет назад, снесло половодьем, и он, искореженный, валялся в паре десятков метров от берега, вверх дном.

В журавлёвском общинном доме гонял чай дядька, как будто с иллюстрации про русских крестьян, я даже подумал, что ему бы хорошо в Шушенском работать манекеном конюха, но быстро подавил свои иронические, эгоцентричные мысли. Вокруг него кружились две бабенки-общинницы из столиц. Это был Илья Поэт, культовая личность. Всю жизнь проработав на лесоповалах и сплаве древесины, он, один из первых, присоединился к Виссариону, и где-то когда-то вроде бы как сам Виссарион признал его реинкарнацией Иоанна Крестителя! С тех пор на Илью свалилась всеобщинная слава, которая оторвала ему голову, почище Саломеи и царя Ирода вместе взятых. С мельхиорового блюда он брал конфетки, которые есть общинникам было запрещено, так как там был сахар, и, раздувая щёки и губы, дул на блюдечко с чаем, смачно причмокивая.

— Эй, отрок, подойти сюда и чаю выпей, будешь счастлив навсегда!

Я присоединился к столу.

— Зачем прибыл ты, человек? Неужто счастьем ищешь ты вовек?

— Да вот в Мульгу приехал.

— В Мульгу пускают лишь благословенных, а ты я вижу дерзновенный!

Как я понял, Илья разговаривал только стихами.

— Виссарион благословил, к друзьям моим мне путь открыл! — Поддержал я Илью рифмой.

— И что там у тебя за друг, его ведь знают все вокруг?

— Слава питерский и Алёнка.

— Я Славу знаю хорошо, ему бы всыпать право, в душе его цветёт не рай, а ядовиты травы!

— Ну, не знаю, Слава мой друг, как бы мне переправиться?

— Я сам живу в Мульге, перевезу тебя, дай срока отдохнуть и буду налегке!

В общем всё в таком стиле, я с трудом понял, что у Ильи есть лодка, и он меня переправит, хотя я и сомневался в его правдивости и адекватности. Но действительно, в кустах была спрятана длинная лодка, похожая на каноэ. Начал накрапывать дождик. Илья, распевая то ли псалмы, то ли собственного сочинения молитвы, в которых он меня как бы отговаривал ехать в Мульгу, с видом большого одолжения, все-таки переправил меня через бурный и широкий изумрудный поток. Но так, что нас смыло примерно на километр вниз по течению. Высадив меня не на пристань, а прямо в воду, по колено. Дождь сразу закончился и выглянуло солнце. Он тут же уплыл обратно, молча и ловко орудуя веслом, стремительно поднимаясь против течения, у общинниц еще были конфетки.

Куда идти было понятно, но тайга и кусты вдоль реки, оказались почти неприступными, приходилось то снимать обувь и залезать в воду, то вскарабкиваться по крутому берегу. Взобравшись на очередной обрыв, я увидел небольшую полянку, заваленную как будто бы сне-

гом. Был август, стояла жара выше тридцати градусов, снега быть не могло, решил посмотреть, что за аномалия? Когда я подступил к полянке, весь «снег» вдруг взмыл вверх, закружившись вокруг меня как выюгой, оказалось, это были брачующиеся бабочки! Я закружился в их облаке и упал в траву, усыпанную ягодами самой крупной дикой земляники, которую я когда-либо видел, через реку на моих глазах возникли одновременно аж три радуги! Вот так Знаки!

* * *

Общинную избу в Мульге я увидел сразу, не только потому что она была самая большая, рядом с ней был небольшой курганчик с тремя кедрами и деревянным крестом в круге — символом Единой Веры и скамеечкой. У избы сидела румяная баба в народном сарафане с двумя дочками в льняных рубашках до земли. Знакомая мне по Петербургу работница троллейбусного парка, обслуживавшего Невский проспект, Оля.

— Здравствуй, добрый человек! А я-то думаю, кого к нам электричка на трёх радугах принесёт?! А это, оказывается, ты!

— Приветствую! Да, вот доехал, Илья довез. А где все?

— Да на работе, скоро придут обедать.

Дом был огромен и пуст, в нем не было окон, а их проёмы были затянуты полиэтиленом. Вдоль всех стен стояли двухэтажные нары, мест на тридцать, на печи булькали огромные кастрюли с овощами, а на большой чугунной сковороде Оля ловко запекала лепешки с отрубями.

— А что так мест много лежачих, сколько тут народу живёт?

— Я, девчонки мои, Илья иногда ночует, а все по дачам живут.

— А зачем столько кроватей?

— Так отсюда все уехали, Виссарион сказал, что к Тиберкулю с другой стороны будут подходить, тут-то до него пятьдесят километров тайги, а с другой стороны — всего пять, и дорога есть. Выбирай любую кровать и обосновывайся!

Я закинул вещи на самую дальнюю кровать и достал банку с мёдом, девчонки захлопали в ладоши и повисли у меня на шее: было полное ощущение, что я попал к своим. А когда пришли ребята — Слава, Алёнка, Макс, Андрей из Комсомольска и Егорка, с которыми мы ездили в Кызыл, я понял, что это лучшее место в Общине.

* * *

Уехав, общинники забрали с собой все припасы и людей, в том числе тех, кто купил в Мульге дома, многие из которых теперь пустовали. Слива с Алёнкой жили в микроскопической бревенчатой избушке, на участке, где стоял большой дом, принадлежавший каким-то виссарионовцам и который они охраняли. Большую часть их избушки занимали печь и кровать. У Сливы был магнитофон с коллекцией регги и африканской этнической музыки, под которую мы работали на огородах и «на покатах».

Несмотря на то что при исходе из Мульги общинники вывезли всё ценное, вплоть до оконных рам в большом доме инструментов, мы не прекращали работу на общее благо. В то наводнение, когда сорвало паром, община сплавила большой плот деловой древесины, который должен был стать брусом, досками и домами для общинников, но половодье раскидало заготовленные брёвна как спички, неподалёку от нашей деревни. Мы ежедневно по четыре часа под музыку Альфа Блонди и Боба Марли выковыривали брёвна из непролазной тайги и закатывали их на поката — два подложенных снизу бревна, чтобы дерево не лежало на земле и не гнило. Остальное время помогали оставшимся в Мульге бабкам, собирать урожай, за десятую часть от собранного. Собрал десять мешков картошки-морковки, один твой. Сибирские

огороды бывали и по сто, и по двести соток, картошки и моркови у нас накопилось вполне приличное количество, больше было только кабачков, тыкв и патиссонов, семечки от которых общинники привозили со всего света и раскидывали везде, где могли, потому кабачки и тыквы всевозможных видов и сортов, лезли буквально отовсюду. Другие овощи быстро стали дефицитом.

Ходили, разумеется, и по грибы, но это мероприятие, в отличие от средней полосы, где поход за грибами это длинная, многочасовая прогулка по лесу, в Сибири имеет совершенно другой смысл. Прошел дождик и наутро всей бригадой, вооружившись огромными корзинами и ведрами, мы выходили за деревню. Буквально минута и нас встречали полчища грибов, необходимого сорта и калибра, которые минут за двадцать наполняли все наши ёмкости и остаток дня мы их чистили, укладывали на сушку, варили, жарили, парили.

Особую досаду доставляло то, что постоянно заканчивались мука и отруби, из которых мы пекли лепешки, не было сахара, чтобы варить варенье, поэтому промышленный сбор ягод терял смысл. Чай в общине пили только травяной, и мы заготовили огромный объем листа бадана. Бадан давал темный наваристый напиток, с легким очищающим организм эффектом, этот чай мы гоняли часами. Поскольку почти все имели в прошлом наркотический опыт, когда хотелось попить чайку, начинали говорить о «бадановой абстиненции», а чаепитие, называть заседанием баданоманов.

В Журавлево ездили редко, ходили на собрания тамошней общины и в магазин, как на экскурсию, так как не было денег, а когда были, то какие-то случайные копейки, на которые можно было купить разве что пачку просроченного какао. В пику баданоманам, которые какао не любили, я начал его периодически пить с Алёнкой, и мы образовали фракцию какаоинистов, периодически вступая в шуточные ристалища на тему достоинств какао и бадана. Пару раз вступили в эти дискуссии и в Журавлёво, где, как оказалось, тоже водились любители какао, бадана и других чаёв.

* * *

Однажды эти разговорчики о баданомании и какаоинизме услышал Илья Поэт. Который прятался от нас, так как никогда не работал на общее благо и постоянно угонял лодку в Журавлево, где охаживал бабонек-общинниц: читал им свои поэтические импровизации уровня пятилетнего ребёнка и побухивал. Мы сняли его со скудного общинного довольствия, на что он затаил обиду.

Илья был знаком с влиятельными общинниками и запустил слух, что в Мульге собрались наркоманы — варят там какую-то наркотическую траву и балдеют. Мол, пагубное пристрастие, дескать, уже пустило корни в Журавлёво и грозит захватить всю общину! Хотя прекрасно знал, что — Бадан не наркотик! В итоге к нам приехал с ревизией из Минусинска Володя Лесин — правая рука левой руки Виссариона и редактор общинной газеты-малотиражки «Страна Обетованная».

Мы жаловались, что община бросила плоты, которые надо досплавить на лесопилку, а единственный кто это когда-то делал — Илья, бухает в Журавлёво. Что нет муки, инструмента материалов, денег, еды, параллельно Максим провел Лесину мастер-класс по завариванию бадана. Лесин, мужик весёлый и смешливый, сразу просек, что мы в Мульге от нечего делать просто прикалываемся, и тут же занял сторону баданоманов, обвинив какаоинизм в потакании эксплуататорам из международных какао-корпораций.

— Но как же простые крестьяне, которые выращивают какао? Ведь без нашей помощи, им нечего будет есть?! — возражал я.

— У них хороший климат, крестьяне справятся, а нам, Общине, нужно двигаться в сторону самообеспечения, в котором бадан — нам лучший друг и товарищ! — парировал Лесин.

Лесин уехал, пообещав прислать пару мешков муки, а вскоре в газете вышла статья о баданомании, громящая в ленинской стилистике какаоинизм, кофеизм и чёрный чаизм. Вокруг бадана объединились фракция мелиссовцев и мощнейшие партии смородинового, брусничного и малинового листа. Какаоинизм был растоптан и повержен. А Илью вызывал Виссарион, они с Лесиным и Редькиным хохотали до слёз и написали статью, в результате чего Илья забыл дорогу в Мульгу навсегда.

* * *

Осень в Саянах подкрадывается незаметно, и вдруг тайга вспыхивает как лоскутное одеяло, а потом седеет, подернувшись серебряной дымкой голых берёз и утреннего инея, а на главной местной горе Джаланджа появляется первый снег.

— Если на Джаландже снег, значит, зима через неделю и снег будет везде. Пока рано, но сам засекай, — сказал местный охотник Серёга, которого я часто встречал, когда ходил «поизвиваться» и помедитировать в ци-гуне, вверх по ручью, в тайге.

— Кстати, тебя Фрол спрашивал, говорит, ты ему нужен по шаманским делам. Зайди, пока снег на Джаландже не выпал.

Дело у него какое-то.

Фрол был местный, страшно бухающий дед, по слухам, настоящий шаман. Ну что шаман, по нему и не скажешь, но местные, особенно охотники, его уважали и периодически носили ему то бутылочку, то зайцев и шмат мяса с охоты, говорили, что он приносит удачу. Мне казалось, что они просто вместе бухают, а поскольку я не пил, то и ходить мне к нему вроде как было незачем. А тут вон как, сам зовёт!

Огородные дела закончились, «на поката» тоже ходить перестали, так как Община про нас совсем забыла, книжки все были прочитаны и перепрочитаны — решил сходить пообщаться.

Фрол был трезвый и как будто ждал меня у калитки.

— Здорово, питерский!

— И вам не хворать.

— Третий день тебя жду, где тебя носило?

— Ну как где? Ты же знаешь, где мы живем? Зашел бы... — Ясно. Проходи, разговор есть.

Я зашел. Сам Фрол был наполовину хакасом, наполовину русским, лет под семьдесят, а его жена — китайкой, всегда молчавшая при чужих, поставила на стол запеченного зайца и водку, а передо мной тарелку с картошкой и квашеной капустой.

— Ну что, будешь? — Показал Фрол на водку.

— Не, спасибо, я картошки поем.

— Молодец, последовательный, Макс-то твой никогда не отказывается.

Я знал, что и Макс, и Слива, и Егорка к Фролу ходят мяска пожрать и водки выпить под табачок, но сам не ходил, ибо не употреблял ничего, и в Мульге слыл фанатиком, потому был редким гостем у Фрола.

— Ты чего по тайге шляешься?

— Да я не шляюсь, просто гуляю, а что такого?

— Да то, что тебя шаманская болезнь крутит, что ты думаешь, я не вижу? Знаешь что это такое? — Я читал что-то про «шаманскую болезнь», что это типа безумия у одного из представителей племени, которое, в некоторых случаях, обращает его в шамана.

— Да ладно, какая болезнь, я же верующий.

— Да та болезнь, которая тебя сюда притащила из тридевятого царства. Ты же когда ехал, хотел шаманом стать? Мне Макс рассказал и книжки твои, мексиканские, показывал,

Кастаньета какая-то...

— Ну интересуюсь, это у нас в Общине не запрещено.

— Ахахаха... Интересуется он. Ну ты смешишь. Интересуется... Ахахаха...

— А что такого-то?

— Да тут такое дело, что уходить мне пора, нужно передачу силы сделать, а тут ты крутишься постоянно. Ты шаманом-то хочешь стать?

— Ну я вроде как верующий, но шаманизм не противоречит нашей вере, это знание сил природы.

— Ахахаха... Природы! Ну ты даешь! — Даже жена Фрола начала улыбаться.

— Смотри, мне надо передачу сделать, Макс совсем не подходит, а ты подходишь и, видимо, затем тебя и притащило, хоть ты и дурачок совсем. Скажи прямо ты хочешь?!

— А что надо делать? Я принципе не против, если вере не противоречит.

— Всё сделаем. На новолуние закопаем тебя в одном месте, пока холода не настали, надо будет три дня лежать тихо! Иди, подумай день и приходи завтра.

Я вышел из их избы, сердечко моё билось, как пойманный воробей, шаманом я стать действительно хотел, когда ехал такие мысли были, но представлял это себе иначе. Бубны, танцы, юрта в степи, мистические события, духи и чудеса... А не какой-то испитой деревенский мужик, я даже бубна не видел у него. Ночью я не спал, перелистывал «Путешествие в Икстлан» Кастанеды и твёрдо решил, что надо попробовать. Ничего не потеряю, а что потеряю, так туда ему и дорога.

* * *

Ребята смеялись, Слива с плохо скрываемой завистью. К вечеру следующего дня я явился к Фролу. На столе лежал бубен и какие-то железяки, похожие на рога, несколько странных ножей и неосвежеванный трупик зайца.

— Надумал?

— Ну... Да! — Смело сказал я, но почувствовал себя как будто пациент перед опасной операцией.

— Завтра утром начнем. Запомни, мы тебя закопаем на несколько дней, на новолуние, ни в коем случае не вылезай!

Надень что-нибудь тёплое!

— Один вопрос, а в туалет куда ходить? Захочется же.

— Ну как куда? В штаны ходи, мы тебя потом отмоем, баню протопим, но, если всё хорошо будет, ты и не заметишь ничего.

— Как не замечу? Три дня лежать без движения!

— Ты, главное, не вылезай, а то тебя духи утащат, погибнешь, а если обосрёшься, то и хорошо, это из тебя прошлое твоё выйдет. Завтра на заре жду тебя!

* * *

Снова почти не спал ночью, ворочался, медитировал и почти передумал... Но с первым рассветом я натянул старый рваный ватник, валенки и ватные штаны, шерстяную шапочку и пришёл к Фролу. На столе стоял запечённый заяц.

— Сожри его полностью! — Приказал Фрол тоном, не предполагающим возражений.

— Да я же мясо не ем!

— Это — не мясо, это — заяц, его дух тебя защитит. Ешь! И больше ничего не говори. Пока не откопаем, молчи!

Не ев мяса более полугода, я сначала брезгливо, а потом с удовольствием, расправился с костлявым зайцем. Фрол расколол его череп и заставил съесть его мозги. Это оказалось труднее, я чуть не блеванул. От раннего подъёма, сытости или они в этого зайца чего-то напихали, сильно хотелось спать.

Фрол, его жена, двое охотников и я, как ягнёнок на заклание, вышли в сторону Джаланджи. Шли вдоль ручья, около часа, Фрол всю дорогу пел какие-то песенки на хакасском, остальные молчали. Как только встретились с Серёгой, свернули в бурелом. Буквально метрах в двадцати от тропы, обнаружилась небольшая полянка, в которой уже была выкопана яма, похожая на могилу, метра полтора в глубину. Я подумал, что тут-то меня сейчас и убьют, сожрут и косточки похоронят, никто никогда не найдёт. Фрол, как будто услышав мои мысли, приложил палец к губам, приказывая молчать.

Серёга с другим охотником срезали и натаскивали охапки еловых веток, которые пошли на дно ямы, образовалось вполне уютное ложе. В ногах моей могилки разожгли огромный костер, меня поставили к нему лицом и спиной к яме, так близко, что обгорели брови и ресницы. Я, то ли от обстоятельств, то ли от обреченности делал медитацию, которую я называю «просто стоять», соединяясь с центром живота и отсекая мысли и эмоции... Фрол, невпопад постукивая в бубен, в обвешанном железками ватнике ходил вокруг меня, ямы и костра, рисуя круг, а потом встал напротив за костром, истошно заорал, через костер бросился на меня и сильно толкнул в грудь. Это случилось внезапно, и я упал вниз с таким ощущением, что часть меня так и осталась стоять у костра, на месте, где стоял Фрол, а вниз полетели какие-то ошмётки. Как будто он выбил меня из меня и упавшие на еловые ветки вместе со снопом искр куски, тут же накрыли крышкой из березок и полиэтилена. Фрол рычал как дикий зверь. В яму сунули резиновую трубку из бересты. Я оказался в темноте, а сверху набрасывали и набрасывали еловые ветки, потом кажется землю... Ватник так провонял дымом, что могила быстро наполнилась запахом гари, а сверху сначала было слышно рычание, а потом начались поминки, типа меня сожрал медведь. Поминали меня и Фрола, постоянно путая имена, причём сам Фрол говорил тосты за упокой своей души, «каким он парнем был»... Потом всё затихло, вероятно все ушли.

Пролежав какое-то время в оцепенении, я попытался зафиксировать свои ощущения, попробовал шевелиться, яма начинала пахнуть землёй и елью, «как в Новый год», помню, подумал я. Немного помечтав, сделав релаксацию, я уснул лёжа на спине, думая, что могу не проснуться, — эта мысль, как ни странно, успокаивала.

* * *

Проснулся от того, что было жарко и душно. Я так волновался, что будет холодно, но оказалось ровно наоборот. «Наверное так медведи и не замерзают, от собственного конденсата, в берлогах», — размышлял я, пытаюсь через трубку втянуть несколько глотков свежего воздуха.

Лежать в «позе трупа» мне предстояло ещё долго, я, как старательный ученик, решил погрузить себя в медитацию и побольше спать, на какое-то время это помогло. Потом — сначала захотелось писать, оказалось, что если отодвинуть еловые ветки, то вовсе не обязательно ходить в штаны, моча уходила в землю, которую я снова прикрывал еловым лапником. Пока копошился с ветками, в ногах, обнаружил две большие бутылки воды и полиэтиленовый пакет с кусочками сушёного мяса — жизнь и быт явно налаживались. Время тянулось очень медленно, я медитировал, вспоминая свою жизнь и своих знакомых, разные жизненные ситуации, в некоторые из них проваливался с максимальной реалистичностью как в сны. Кастанеда бы сказал, что я занимался «перепросмотром жизни», я бы занялся чем-то другим, но больше делать было нечего, медитация, остановка мыслей и катание на воспоминаниях.

* * *

Если представить, что ты умер, твоя жизнь из могилы выглядит иначе, спокойно струясь над землёй в виде линии или законченной цепочки событий, хотя можно представить её в виде облака дыма. Когда не соединяешься с её ходом, можно спокойно посмотреть на неё со стороны. Моя могила, в которой периодически терялось не только чувство времени, но и ощущение верха и низа, становилась похожа на лифт. Ты подъезжаешь к нужным воспоминаниям по линии таймлайна, двери открываются, ты настраиваешься и наблюдаешь те или иные события, которые «захватывают» тебя с разной степенью интенсивности. Вот с этими «захватами» и происходило самое интересное, тут пригодился опыт ци-гун.

Сначала я почти не замечал расщепления, казалось, что в тех чувствах и воспоминаниях и есть ты, но с нарастающей периодичностью, я начал вываливаться из них или вообще к ним не подключаться как к своим. Они текли сами собой, в фоновом режиме, как уже просмотренный кинофильм, всё менее затрагивая внутренний шар в животе, существовать в котором становилось всё спокойнее и привычнее. Только некоторые воспоминания выделялись, и их я «просматривал» по несколько раз, входя в них из живота и выравнивая по ощущениям. В целом же моё Я постепенно превращалась в подобие деревяшки, которая не тонет в воде времени и не растворяется, просто потому что она пока деревяшка.

Прикладывая ухо к трубке, однажды я услышал, что наверху кто-то есть. Я узнал голос Фрола и его жены, они смеялись и обсуждали меня, его, снова как на поминках и, кажется, пили. Потом, видимо, ушли. Я пытался считать пульс, как секундомер, но единственным измерением времени, стало то, что я покакал, и раз пять пописал, в выкопанную рукой ямку под еловым лапником — вони, которой я так боялся, не было.

Хотелось есть, и я жевал сухие куски неизвестного происхождения мяса, вода быстро закончилась, и в какой то момент очень захотелось выскочить из могилы, послав всё к чертям, наверное, несколько часов я бился в этом желании, как в конвульсиях. Но и его в результате отпустил, как прошедшее воспоминание, почти физически ощутив, что, когда перестал с ним себя отождествлять, оно впиталось в окружавшую меня землю, вместе с мочой и калом. Я просто лежал, стараясь не чувствовать ничего, не думая ни о чём, ощущая себя центром непонятно чего и одновременно ничем.

В какой-то момент меня откопали. Была ночь, но как будто ничего и не изменилось, как будто переставили фишку с одного хода на другой в уже пройденном маршруте, говорить не хотелось и было не о чем. Помню только свежий, осенний, таёжный воздух: он был очень вкусным и ощущение безмолвной силы, которое приходит при долгой практике. Мою лёжку залили растопкой и подожгли, поставив меня к ней спиной.

— Шаман родился! — Обняв, поприветствовал меня Фрол.

Я молча шёл по тайге назад, была растоплена баня, и Фрол с охотниками пропарили меня вениками. Утром я понял, что прошло три дня, и почувствовал, что как будто сбился временной цикл, реальность отставала, как часы, от собственных событий, которые уже запланированы, но ещё не произошли.

Никакого отходняка я не чувствовал, но стал меньше говорить, впадая в лёгкий транс отсоединения от заторможенной реальности, которая стала скучноватой. Я мог, например, радоваться чему-нибудь или переживать со всеми, и вдруг — раз, и ничего не чувствую, потому что знаю, что будет, зато могу принять какое-то «решение» внутри ситуации и «направить» её развитие. Уже позже, несколько раз перепроверив, я понял, что когда ко мне приходят, вероятно, для принятия или неприятия эти «решения», они действительно почти всегда осуществляются, а если я сам пытаюсь их выбирать, выходит какая-то фигня, как будто попытка изнасилования чего-то и себя. Тогда же оказалось, что некоторые вещи, темы, книги, события,

которые раньше вызывали энтузиазм, просто стали скучными и бессмысленными. Я буквально на полуслове обрывался в некоторых разговорах, которые раньше меня так увлекали. В предсказании всегда ключевым моментом является предсказуемость, оказалось, ясновидение — невероятно скучная вещь.

* * *

Через пару недель, на Джаландже выпал снег и, действительно, через неделю, снегом было завалено всё и сразу, буквально за один день, и в этот день умер Фрол. После моей инициации он беспробудно забухал, и мы почти не общались — он не чувствовал, он знал.

В последнюю встречу я спросил его:

— Ну вот я теперь шаман, так меня наверное надо как-то обучить?

— Нет времени тебя учить, да и ты совсем другой, не для обучения появился. С тобой много духов, которых я совсем не знаю, очень сильных, местные духи их побаиваются. Тут ты не останешься, твои духи тебя утащат и сами обучат, людей нужных приведут, я с ними поговорил, все жертвы приняли...

Хоронить его увезли в город, оказалось, у него были сыновья, я на поминках выпил рюмку водки.

* * *

Как-то сразу навалилась зима, работы не было, целыми днями мы читали книжки и слушали музыку, прерываясь только на чаепития и еду, жили мы в одной из дач — там была большая печь и двойные окна. Я иногда ходил в гости к Оле, которая с дочками тоже переехала из большого дома в курятник с окнами и печью. Однажды придя к ней в гости, я обнаружил там работающий телевизор! Телевизор я не видел уже много месяцев. А тут захожу и вижу светящийся, микроскопический экранчик, по которому показывают митьковский фильм «Город», как раз тот момент, где Митя Шагин водит по дворам колодцам какого-то типа и говорит:

— Ты посмотри! Это же лес!! Джунгли! — Меня накрыли воспоминания, аж как будто в животе что-то ухнуло вниз и заломило в груди, очень сильно захотелось в Питер и одновременно, это было то самое «решение», туда ехать.

Но захотеть легко, а вот где найти денег, находясь безвылазно в тайге, когда денег нет даже, чтобы купить муки и какао?! К тому же скоро по реке должна пойти шуга и отрезать Мульгу от реальности на почти два месяца! Когда приезжал Лесин, он обещал прислать два мешка муки, но это было давно, а муки так и не было. К тому же все члены нашей компании как-то сразу захотели съездить в мир: Слива — в Питер, Андрей — в Комсомольск, Макс — в Уфу, я тоже — в Питер, естественно. Надо было что-то срочно придумывать.

У Макса была какая-то справка, дававшая право бесплатного проезда в транспорте из Школы милиции, от учёбы в которой он сбежал, Слава выпросил немного денег у соседей, у Егорки в Общине жила мама и он обещал намотить денег, хотя бы на обратные билеты в Мульгу. На меня денег не хватило, и я остался сторожить вещи, но решение об отъезде было принято во мне. «С Божьей помощью, всё получится, духи помогут», — подумал я, и остался.

Бывший чемпион Ленинграда по академической гребле среди своего года рождения и четвёртый среди детишек до шестнадцати, я быстро освоил переправу: бурный поток реки Кизыр и её почти стометровая ширина меня давно не пугали. Я в два счёта переправил ребят на электричку. А на пристани уже ждали две девушки-москвички, одной из которых была хозяйка нашей дачи Лена.

— О, как вы вовремя! Нам бы на ту сторону переправиться!

Высадив ребят, я принял новых пассажиров, и мы отправились назад.

— Как у вас тут дела?

— Да хорошо дела, только мука вот кончилась, ребята поехали к Лесину, он вроде обещал пару мешков. Дома все в порядке, народу мало. Как сами? Как Москва?

— Да всё хорошо, мы на зимовку приехали.

Девочки серьёзно занимались вышиванием и везли огромный запас всевозможных тканей и мулине. Собираясь всю зиму уютно вышивать сами и научить Олиных дочек, о чём те давно прожужжали все уши и почти отчаялись дожидаться.

— А я вот хочу в Питер съездить, нужно инструментов для ювелирки купить, а то собрал коллекцию камней, но чего-то денег нет даже на билеты... — Ну так на тебе денег!

И смеясь, Лена протянула мне триста долларов.

— Эээ... Спасибо! Сам Бог мне вас послал.

В это время от Журавлёво как раз отходила электричка до Минусинска, в которой на поиски денег уезжали ребята.

* * *

Уезжали четверо, а вернулись только двое: Слива и Макс вместе тащили мешок муки до лодки, где уже поджидал я. Слива был злой как чёрт и постоянно бурчал и ругался:

— Ну что ты не встретил у электрички, знал же, что мы приедем нагруженные как ослы. Хоть бы помог! Ты что, муку есть не будешь?!

— Да я не знал, что вам что-то обломится, — гребя, блаженно извинялся я, предвкушая эффект, который произведёт на Сливу то, что я нашёл деньги. — А что с деньгами на билеты? Нашли?

— Денег нет. Егорка остался с мамой, а Андрюхе бабка прислала перевод из Комсомольска, он уже поди в поезде. Добавил нам на муку, а то Лесин дал только на половину мешка.

— А я нашёл!

— Что нашёл?

— Ну деньги на билет до Питера.

Слива аж скрипнул зубами.

— Где? У местных нашаманил?

— Дык, Лена дала, под залог коллекции камней. Триста американских долларов!

— Ого!

И в Сливной голове включилась наркоманская вычислительная техника, как можно раздобыть денег себе и Алёнке на билеты?

* * *

Я ходил в лес на свою могилку, попрощаться: всё было завалено снегом, и я в рваном ватнике лёг в сугроб, любовался небом и деревьями, желая себе хорошей поездки. Потом развёл костер и визуализировал, как в нём сгорает моё прошлое — сидя к нему сначала лицом, потом спиной и обеими сторонами, хотелось, чтобы огонь защитил меня, и запомнить ощущения тайги и покоя, затемно вернулся и молча лег спать.

Макс переправил меня на электричку на следующий день, Слива даже не вышел провожать, провожала только Оля с девчонками, которые напекли мне в дорогу лепёшек. Максу я подарил варган, а им — полное собрание сочинений тогда ещё не турбопопулярного Толкиена. Больше у меня ничего не было.

Не заезжая в Минусинск, я доехал сразу до Абакана, где задержался всего на пару часов блуждания по вокзалу. Выйдя с вокзала, я понял, что совсем разучился ходить по городу, и пугался машин, не доверял светофорам; решил не рисковать, чтобы не потеряться. И вот я

снова в плацкарте, снова меняющиеся соседи по полкам, группа пьяных призывников-тувинцев, пытавшихся меня задирать, которых потом избивал в тамбуре командир, а я защищал. Мелькающие за окнами циклопические заводы Урала, Казань, Гусь-Хрустальный и наконец-то — предновогодняя Москва, показавшаяся мне технократическим апокалипсисом, с восьми-полосным движением и бессмысленными разноцветными гирляндами повсюду.

Первым же поездом я умчался в Питер.

Родители меня не ждали, к тому же, я свалился в семь утра — мама собиралась на работу, на тогда ещё не закрытый завод ЛОМО. Поспав пару часов в своей кровати, позвонил Вове Вирусу, который тут же прибежал. Нёс какую-то чепуху про Кастанеду и то, что к нему приходили какие-то существа из его книг, предлагал поесть грибов, рассказал свежие новости. Многие друзья торчали, кто-то уже сидел, а я, к счастью, приобрёл репутацию спятившего лохасектанта и вскоре последовавшие предложения раскумариться даже бесплатно отвергал! Связи с барыгами я утратил, и ребята потеряли ко мне интерес, а я к ним.

* * *

Зато мой авторитет вырос в Центре Виссариона. Там попрежнему сидели рядами перед телевизором с проповедями те же старушки, похожие на таёжную чагу, но было несколько активистов, с которыми я пересекался в Общине. В том числе Саша и Коля, предложившие мне посторожить Центр и мастерскую от участвовавших попыток проникновения в неё злонамеренных личностей, и я согласился.

Саша пустил меня в святая святых — в свою мастерскую, и даже разрешил что-то брать из скульптурных причиндалов, типа профессионального пластилина и стеков. Мастерская была заставлена брикетами разных восков, глин, стояло несколько керамических печей, над которыми, во всю стену, висел огромный транспарант-растяжка типа советского: красное полотнище длиной метра четыре и метр шириной, на котором большими буквами было написано «Ты готов к рыночной экономике?!»

Саша делал большой заказ для Юсуповского дворца — композицию восковых фигур, восстанавливающую сцену убийства Распутина, собственно, на месте его убийства. Юсупов, Пуришкевич... сам Григорий. Их головы, в которые Саша вставлял пинцетом реснички и волосинки, стояли на столе, накрытые тряпочками. Стена у стола, наподобие иконостаса, была обклеена фотографиями Распутина и всех участников известного эпизода, в разных ракурсах, была большая библиотека по теме Распутина, в которой многие книги были ещё с ятями и которую я с удовольствием, ночами, всю перечитал.

По утрам мы с Сашей, Колей и другими активистами-виссарионовцами часто ходили на улицу Почтамтскую, на Главпочтамт, отправлять литературу по регионам. Кавалькада из пяти тележек, возглавляемая двумя бородатыми апостолами в хитонах, замыкалась мной, в узбекской, расшитой разноцветными цветами, тубетейке. На Главпочтамте нас хорошо знали, ведь еженедельно мы отправляли по пятьдесят, а то и по сто посылок с книгами, надолго парализуя живую очередь. Зарплату мне не платили, но мне было разрешено брать из пожертвований, «если будет надо», я брал только на веганскую еду и хлеб, который, горячий и свежий, я покупал у ночных приёмщиков в булочной на Садовой. Домой я приезжал, только чтобы помыться, раз в неделю.

* * *

Работа у Саши в мастерской кипела, и вскоре там появились костюмы героев убийства в Юсуповском. Поговаривали, что в Григории Распутине погибла душа русского народа, я пару раз примерял его рубаху, которая на мне висела как саван, медитировал в ней и делал упражне-

ния ци-гун. Пытаясь постичь тайное, через соединение с его духом, но неизбежно у меня либо начиналась эрекция, либо портилось настроение. Зато шикарный френч Юсупова, выпрямлял осанку и транслировал в меня, неведомые доселе импульсы аристократизма и знакомое мне желание повелевать.

После открытия инсталляции, которое показывали по телевизору, Саша сразу пропал из мастерской. Они с Колей и еще несколькими приближёнными к Виссариону последователями, в прошлом тоже инкарнациями апостолов, Марии Магдалины, Понтия Пилата, часто уезжали с Вестью по регионам. Возвращение Саши было триумфальным. Он пришёл утром и сразу сказал:

— Сейчас начнётся!

Мы помолились, и у подворотни к нашему цоколю на Большой Подъяческой, начали останавливаться машины с надписью «Телевидение» на разных языках, а в дверь почти непрерывно стали стучать отечественные и иностранные журналисты. Оказалось, в городе гостила Её Величество, Королева Великобритании, которая, посетив Юсуповский дворец, упала в обморок прямо на Сашиной инсталляции, увидев его Распутина. Саша весь день давал интервью, нарочито скромно, в синем хитоне, стоя на фоне надписи «Ты готов к рыночной экономике!?!»

Саше сыпались предложения поехать работать в Англию в музей Тьюссо, который хотел купить Распутина или хотя бы заказать ему копию, звучала сумма в 100 тысяч фунтов стерлингов, тогда неприлично огромная. Но Саша отвечал:

— Я не готов к рыночной экономике, к тому же в такое время, когда на сибирской земле происходит Второе Пришествие

Слова Божьего...

И Саша с Колей уехали к Виссариону, оставив Центр на попечение общинникам, которые как-то быстро его приватизировали и отремонтировали помещение под коммерческие нужды, а я им больше не понадобился. Да и скучно стало, я вышел, оставив там очередную часть себя, как змеиную кожу, и закрыл за собой дверь.

* * *

Однажды, перед самым отъездом ребят-скульпторов, в Центр Виссариона явился Слива. Оказалось, они с Алёнкой продали магнитофон и вернулись в Питер уже пару недель как. За это время Слива уже успел, работая на Торжковском рынке грузчиком-подёнщиком, раздобыть денег, и первым его вопросом было, не знаю ли я, где купить травы? Я не знал, но утренняя работа грузчиком меня заинтересовала, и мы со Сливой периодически там что-то начали перетаскивать, помогая азербайджанцам закупать у других азербайджанцев овощи и фрукты. Правда, потом, к зиме, перестали, но предприимчивый Слива устроился работать ночным приёмщиком в хлебный ларёк у станции метро «Пионерская», на работу моей мечты, а потом взял меня себе в сменщики.

Было очень удобно: весь день свободен, а ночью в зашитом железными листами, как сейф, ларёке тебя уже ждут денежки. Сидишь и ждёшь машину с горячим с пылу с жару хлебом под чаёк с пряниками, читая да слушая то Радио «Катюша», то радио «Модерн». Приходит машина, полчаса работы и домой.

Почти все деньги я тратил на разные школы парапсихологии, йоговские курсы, изучал ци-гун и ювелирное дело — так продолжалось около года. Я был трезв и веган более двух лет. Слива же, крутившийся рядом, постоянно что-то употреблял, ел какие-то чипсы, запивая их химической колой со вкусом экзотических ягод. Пару раз меня даже кинул на смешные деньги и сам притянул к себе моё решение с собой не общаться.

Видимо, меня это всё смутило в моей аскезе, и сначала я начал есть йогурты и майонез, потом купил пачку сигарет и по одной-две штуке в день начал их покуривать. А потом встретил

на улице соседа Юру Алматинского, который продавал траву килограммами, мы со Сливой, скинувшись, купили килограмм травы...

Ну а потом и снова пошли внутривенные, снова «Тоннель» «ТамТам», мелькнула даже тюрьга... Я пытался стучать в закрытую некогда дверь, но она, слава Богу, не открылась, по крайней мере, не открылась настежь, хватило щёлочки.

Виссарионовский период закончился, в Общину я так и не вернулся. Хотя съезжу как-нибудь с удовольствием, как в деревню-музей, я уверен, что Виссарион — никакой не тоталитарист. Очень жаль, что в Мульге отрыли какой-то карьер, кажется, прямо на месте моей шаманской «могилы», зато построили мост. Сейчас горно-обогачительный комбинат, подобно бурильщикам из фильма «Окраина», подобрался и к основному поселению виссарионовцев — Городу Солнца у озера Тиберкуль, в центре которого теперь стоит пересобранный на новом месте дом-храм, который мы строили в Малой Минусе. Думаю, в этом ГОКе и причина того, что Виссариона сейчас держат в тюрьме — он боролся против вырубки тайги.

Там мне было хорошо в самые трудные времена девяностых: у меня было светлое окно с видом на Саяны, чайник бадана, таёжная баня на лесной речке и чистый воздух. Если бы не те два года трезвости и веганства, пусть, и казавшиеся безумными кому-то там, кто по большей части уже остыл в могиле, но уверен, меня уже не было бы в живых. Спасибо тебе, Виссарион, низкий тебе поклон, мой Спаситель, по Вере мне Давший! Шлю деньги Староверову на передачку! Обнял.

ДЯДЯ

Мой дядя сильный как орлан
Был обустроен в жизни круто
Он останавливал минуту
Преобразить мог жизнь в роман
Псой Короленко

В библиотеке моих родителей было три книги по искусству, «Мифы Древней Греции» Куна, альбом про Петродворец и Ломоносов и затисканный альбом почему-то по мексиканскому искусству, где были картинки с хрустальными черепами, Днём мертвых и даже парочка психоделических картин Диего Риверы. Дополнительным плюсом был блокнот с рисунками моего дяди Вити.

Тетрадь на сорок восемь листов, в которой почти каждая страница являла собой какую-то довольно тщательно и весьма талантливо проработанную картинку, нарисованную шариковыми ручками. Там был Маугли, там были голые девушки, звери, портрет «Битлз» целиком и Пола Маккартни в отдельности, какие-то сценки из сладкой западной жизни, которую дядя перерисовал, видимо, из журналов.

В школе дядя дружил с учителем ИЗО и как самый талантливый рисовальщик даже участвовал и побеждал в каких-то, городского уровня, конкурсах для школьников. Но бабка, не понимая, что это может дать лично ей, видела для него другую карьеру и в художественную школу его до последнего не отдавала, предпочитая выпивать на бутылочку водки в месяц больше, а в перспективе — отдать его, как можно быстрее, на завод и получать 100% получаемой им зарплаты — мечтумечты... Мотивировать малолетнего дядю на искусство было решительно некому, а друзья с района рисовать не умели совсем, оставался только блокнотик.

Дяди, правда, обычно дома не было, но он периодически появлялся.

Сначала он служил в армии, а по возвращении женился на Любе — девушке с нашего двора — и жил у неё. Даже сделал ей дочку. Но в начале восьмидесятых он увлёкся пацанизмом и наркотиками, супруга вызвала на него ментов, и дядя уехал в тюрьму, кажется, года на два. Я тот период помню совсем плохо.

Потом дядя вышел — восьмидесятые закрутились уже вовсю — пару месяцев жил в комнате с моей бабушкой, на раскладушке, а потом снова женился на девушке, теперь уже с соседнего двора. Ходили слухи, что в её квартире организовался притон — там бухали и варили «беленькое» или «мульку», до которой дядя был большой охотник. Несколько лет было все ок, но потом что-то там снова пошло не так, и дядя снова отправился на пару лет в тюрьму.

Помню, как бабушка и мама собирали ему передачи с выпотрошенным из сигарет табаком, а дядя прислал из тюрьмы сшитый им из чёрного брезента «спортивный» костюм-варёнку, который, правда, никто не хотел носить, так как он явно был перешит из зековской робы; «варёнка» же больше напоминала размазанные по ткани жёлто-зелёные сопли и вообще вышла из моды.

К девяностому году он снова оказался на свободе и снова поселился у бабушки. Тут я, наконец-то, смог его толком разглядеть. Дядя в тюрьме стал рукодельником — рисовал «демократические альбомы» и освоил татуировки. В то время татуировщик рекламировал своё мастерство собой, и дядя оказался плотно покрытым собственного производства зековскими «партаками». На ногах были женщины с драконами, на плечах — паутина, на груди — рычащий лев, на руке — нож с розой и тому подобное.

Мне было лет четырнадцать, я уже конкретно интересовался наркотиками и очень хотел научиться варить «мульку». Поскольку те, кто умел, из старших, показывать мне, как это делается, не хотели, и когда бабка была «на сутках», а мама уехала к своему очередному парню,

я обратился с этим вопросом к дяде, который, как мне уже было известно, был легендарным на районе «варщиком».

Дядя начал вяло сопротивляться, но я продемонстрировал ему банку «Солутана», и сомнения мгновенно были отставлены в сторону. Нужных ингредиентов типа едкого натрия и фенолфталеина у меня не было, как оказалось, не было их и у дяди, но был опыт. Фенолфталеин оказался таблетками слабительного — пургена, которые в аптеке продавались за три копейки, а едкий натрий легко замещался пищевой содой, которая, как и остальные ингредиенты, нашлась у бабки на кухне. Всё отлично получилось, а я с неожиданной для себя ловкостью сам себе сделал несколько «вмазок» — укололся.

Метод варки, которому меня научил дядя, произвёл фурор, ко мне выстроилась очередь ребят с района, желающих грамотно сварить и попробовать «марцефаль», начался мой первый системный заторч.

* * *

Стартовали святые девяностые, дядя искал работу и не мог найти, зато многие его ровесники и друзья уже во всю занимались рэкетом и бандитизмом, отжимали собственность у кооператоров и облагали их данью. Но дядя был наркоман, его в бригаду то ли не брали, то ли он и сам не особо хотел, поскольку сидел уже дважды.

Основным местом роения бригады, собравшейся из наиболее оголтелых ребят с района, из которых многие были дядиными друзьями и знакомыми, оказалась платная автостоянка в самом конце улицы Матроса Железняка, рядом с железнодорожными путями. Кажется, когда дядя садился в последний раз, он кого-то там не сдал, и человек подтянул его на эту стоянку разнорабочим. Дядя убирал снег и следил за трафиком машин, а ребята играли в бильярд в пристроенной к вагончику, где сидел дядя, халупе, планировали и делали дела, пытали кооператоров, насиловали проституток...

Дядя был доволен — зарплату не задерживали. Как-то был выезд на сбор дани, и дядя тоже прицепился за компанию. В кафе на проспекте Испытателей он познакомился с очередной девушкой, которая там работала барменом, начал ухаживать, иногда туда заходить, дарить конфетки и цветочки, с явным прицелом на совместную жизнь с новой пассией.

Когда дядя собирался на свидание, это всегда был долгий, тщательный обряд. Бритье, выбор рубашки, галстука, запонок, ботинок и очков, самое сложное было выбрать парфюмерию, которой он обильно покрывал все возможные места и благоухал на всю квартиру даже через час после своего ухода. Так было и в тот раз.

Дядя в свой выходной отправился к подруге в кафе, но вечером не пришел. Вечером приехали менты и сообщили, что дядя кого-то убил.

Что и как бабка поехала выяснять в Изолятор Временного Содержания на улице Хрулева. Выяснилось, что дядя убил какого-то Хабибулина и сразу пришел в милицию, принёс явку с повинной, дело было ясное, суд случился быстро.

Ему дали шесть лет, бабка и мама были на суде и потом рассказали обстоятельства дела. Расфуфыренный дядя ворковал с пассией в подсобке этого кафе, пил коньячок с лимончиком, смакуя предстоящий романтический вечер с леди. В этот пасторальный момент в кафе и появился пьяный Хабибулин, начал девушку оскорблять и требовать выплату ему лично какихто денег. Кафе стояло под друзьями дяди, дядя был знаком с Хабибулиным и возмутился его поведением, на что получил высказывание типа «пошёл на хуй, пидор».

А дядя сидел, ему такое говорить нельзя, тем более при девушке, чувствуя братское плечо и крышу, дядя предложил выйти, Хабибулин согласился. Дядя взял ножик со стола, которым резали сыр и колбаску, с лезвием длиной сорок сантиметров, как озвучивали в суде, и у входа в кафе вскрыл Хабибулина, как лягушку. Двумя втыканиями этого ножика Хабибулину в живот

с последующим движением вниз и вверх — два пореза по пятьдесят сантиметров в области живота. У бедняги Хабибулина выпали кишки, и пока он хрипел, дядя попрощался с девушкой и пошёл сдаваться в ИВС, который удачно располагался неподалёку.

Удивительный срок — шесть лет за убийство, при том, что дядя рецидивист... Все ожидали минимум десятку, но оказалось, что у дяди есть смягчающие обстоятельства. Те статьи, по которым его сажали до этого — хранение наркотиков и тунеядство, отменили, выходило, что дядя дважды отсидел ни за что. У него был ребёнок, которого он по выходу и устройству на работу поддерживал финансово, аффект, была «поддержка от пацанов».

А Хабибулин уже давно осточертел всем районным ментам:

— Если бы Хабибулина не убил Иванов, его бы убил Петров или Сидоров! — резюмировала судья и дала дяде меньше меньшего, но строгого режима.

* * *

Из тюрьмы приходили странные новости. Дядя сидел на зоне в посёлке Форносово, это первая тюрьма в России, где заключённые своими руками построили церковь. Он уверовал, подружился с батюшкой и к концу срока переехал из барака в церковную каморку. Всю церковь расписал фресками и, по заказу батюшки, рисовал иконы за чай и сигареты — хорошо по тюремным понятиям устроился и даже, в очередной раз, наладил личную жизнь.

Дело в том, что сестра жены одного из его корешей-бандитов, Лисицкого, давно была влюблена в дядю, начала слать ему передачи и приезжать на свидания. Света была в семье дурочка, лежала периодически в стационаре, но работала кассиршей в каком-то магазине на «Электросиле», и проживала там же в четырёхкомнатной квартире с мамой. Света не могла наладить свою личную жизнь, так что дядя казался ей настоящим сокровищем. В сложных жизненных обстоятельствах до этого не обращавший на неё внимание, он разглядел её достоинства, и сначала они поженились в тюрьме, а потом, когда церковь торжественно открылась, обвенчались под собственноручно раскрашенными дядей сводами.

* * *

Среди заказов, исполненных дядей для епархии, самым значительным была многофигурная икона Николая Второго с супругой и со всеми детьми, дядя писал её с душой и молитвой, интегрировав в образы дочерей императора своих сестёр — мою маму и тётю, а также... своих бывших жён, в Александре вывел главную на тот момент — Свету, а в цесаревиче — моего погибшего двоюродного брата, мне на иконе места не хватило. Заказ был очень ответственный, икона поехала в Петропавловскую крепость, в усыпальницу русских царей и, вероятно, висит там до сих пор, во флигеле, где похоронены те самые Екатеринбургские Останки новомучеников Николая Второго, его жены, сына и дочерей.

Не будучи в курсе перипетий с иконой, в день похорон останков я был около Петропавловки. Приехал Ельцин на лимузине и несколько шикарных автобусов, набитых потомками Романовых, растянулись кавалькадой за катафалком. Были и протестующие, и поддерживающие захоронение граждане, но поскольку никого в Петропавловку не пускали, люд толпился у моста, оттеснённый за дорогу, по которой мчался нескончаемый кортеж элиты двух эпох. Я прибил к группировке протестующих тёток во главе с депутатом Марычевым, которые хором кричали, что Кровавому Николашке не место в усыпальнице царей. Рядом стояли те, кто сомневался в экспертизе и подлинности останков, в основном же были обычные зеваки.

Ельцин ехал с открытыми окнами, улыбался и махал рукой своим избирателям изнутри лимузина, в следующей за ним машине, высунувшись из неё по пояс, с развивающимися чёрными кудрями, ехал и улыбался Борис Немцов — Марычев перешёл на визг...

* * *

Маленький срок и идеальное для милицейской и божественной администрации поведение дяди в тюрьме получили свои последствия при подаче заявки на условно-досрочное освобождение — УДО, дядя получил скошуху, с шести лет на четыре с половиной. Скоро освобождился, но вернулся не в нашу квартиру, как обычно, а сразу поехал к супруге на Электросилу. Устроился на работу, купил видеоманитфон и собирал коллекцию кассет с фильмами ужасов. Заезжал в гости к бабке, благоухая одеколонами, всё вроде бы наладилось.

Однако спустя пару лет, сначала от тётки, а потом и от него самого пошли тревожные новости. Света, наладив личную жизнь, не выздоровела от своих заболеваний, ревность и стабильный секс даже что-то обострили, и она очередной раз загремела в психиатрическую больницу. Дядя остался в квартире с её мамой, которая не особенно-то и поддерживала выбор дочери. Не прошло и месяца, как дядя завёл себе любовницу, а когда Света вышла из больницы и всё начала понимать, науськиваемая матерью, да и по велению сердца. Короче, дядя переехал к любовнице.

Видимо, всё снова стало хорошо, и дядя почти не появлялся пару лет. По отрывочным сведениям было известно, что новая женщина работает тренером по плаванию и экономкой в квартире каких-то богатых людей, иностранцев. Следит за домом, убирает, покупает необходимое, а дядя ей помогает с тяжёлыми видами работ, что-то приколотить, что-то вынести или занести.

Я уже трезвился в Анонимных Наркоманах несколько лет, поступил учиться на художника и искусствоведа в фонд Сороса, познакомился с Тимуром Новиковым и начал понимать, что у дяди как художника есть хороший потенциал — художник-уголовник, убийца-иконописец. Что можно это и в Новой Академии, и богатым криминальным ребятам эффектно подать, заработать и дяде удружить, выгодно и триумфально реанимировав его творческое призвание. И вот он появился, очень деловой.

— Слушай, Витя, а ты сейчас что-то рисуешь?

— Нет.

— Что, совсем?

— Нет вдохновения. В тюрьме было, а сейчас нету. После тюрьмы нарисовал один лик, отдал Лисицкому, он мне дал сто долларов, а я видел потом свою работу в магазине за тысячу пятьсот. Больше не хочу ничего рисовать.

— Ну, а что ты сам-то за тысячу пятьсот не поставил?

— Да деньги были нужны.

— Ясно. Слушай, я вот сейчас искусством занимаюсь, нарисуй что-нибудь, сделаем выставку?

— Не хочу ничего.

Я понял, что дядя считает меня идиотом, который попал в очередную секту или типа того, что-то себе напридумывал, и отмахивается от меня, как от назойливой мухи.

— Ну смотри сам, просто это деньги и занятие, зря отказываешься.

— Понимаешь, это так не делается, я от самого сердца рисую, это духовный процесс, из глубины, — сказал Витя с таким видом, что мне, дегенерату, никогда этого не понять.

— Ну сам смотри, я могу помочь. — Пф, куда тебе... — Ладно.

А через несколько дней снова примчался, зашёл ко мне в комнату и говорит:

— Прикинь, что было?! Я ж работаю у бабы одной, англичанки, там хата на Исаакиевской площади, двухэтажная, угловая, огромная, у неё муж очень богатый. Так, прикинь, к ней приехал кто-то в гости, надо было помочь вещи поднять из машины. Выходим с ней встре-

чать, подъезжает лимузин, а оттуда выходит Пол Маккартни! Настоящий! Прикинь! Я ему руку пожал, поднял чемоданы, и он мне сто долларов дал! Смотри.

И показывает 100 долларов с автографом Маккартни.

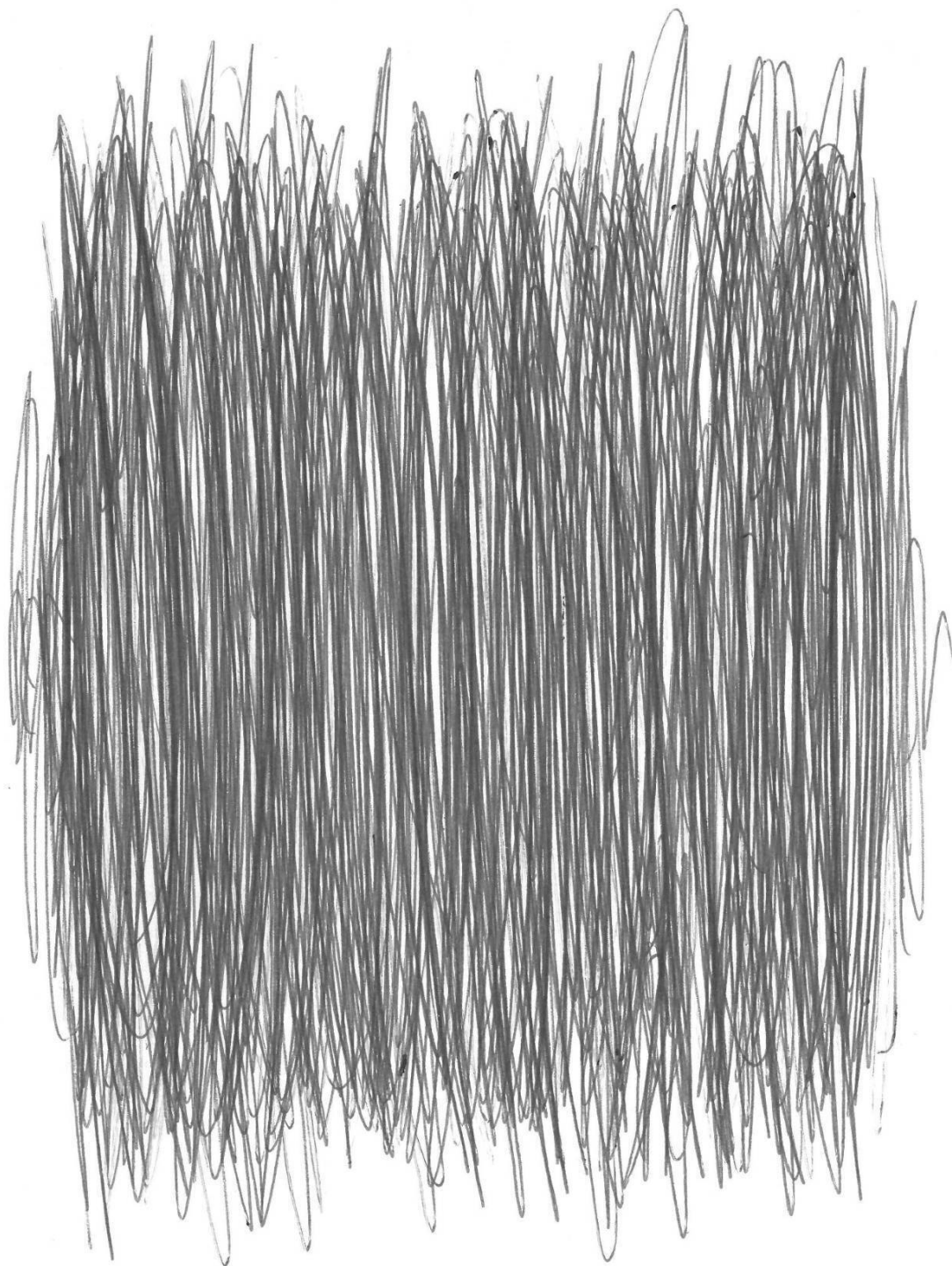
— Круто, а как бабу-то зовут и её мужа?

— Нэнси и Брайан, видимо, очень крутые, если у них сам Паша останавливается!

Тут я понимаю, что дядя работает хаускипером у Нэнси и Брайана Ино и не понимает, кто это.

— Так ты у Ино работаешь?! Нихуя себе! Чего же ты им-то икону не отнёс? Ты вообще говорил им, что ты рисуешь? Они же коллекционеры.

— Да мне незачем, чо я буду, я же не такой... — Мямлил дядя, явно что-то смутное начав наматывать на ус.

Брайан Ино — продюсер «Pet Shop Boys», «Depeche Mode» и массы других групп, сам музыкант и художник, с супругой Нэнси в 90-е жили в Петербурге какое-то время. В Фонде Сороса мне прожужжали все уши про это, даже Пелевин их описал в «Книге Оборотня». И, оказывается, они имели тут квартиру и иногда бывают в ней инкогнито до сих пор. Ино дружили с руководителем моего диплома, Александром Давидовичем Боровским, и я их видел в

компании с «Pet Shop Boys» на открытии выставки Трейси Эмин в Инженерном замке. А дядя был совсем ни в зуб ногой. Я опечалился и понял, что дядя неисправимый debil.

* * *

Прошло ещё сколько-то времени, шёл май 2002 года, я это помню хорошо, потому что в марте выиграл грант на поездку в Швецию, очень большие деньги для меня и первая поездка за границу в жизни. Я собирал документы, делал паспорта и ставил визы. Это был сложный квест, так как с 17 до 28 лет я скрывался от армии, и у меня не было никаких документов вообще, кроме просроченного, советского ещё, паспорта. Надо было получить обычный паспорт, военный билет, загранпаспорт и поставить в него визу, открыть сберкнижку и получить туда перевод от шведов — всё это за месяц.

За приятной, но нервной суетой я как-то не придавал значения тому, что внезапно умерла от аневризмы дядина жена Света. Но однажды утром я увидел дядю, беседующего на кухне с бабкой, на повестке был какой-то злободневный вопрос. Оказалось, что мать дядиной жены и её сестра через Лисицкого вышли на дядю и настойчиво попросили его выписаться из квартиры на Электросиле, с целью продажи оной. Дядя искрил, так как ему было предложено сколько-то денег и даже бывший в употреблении автомобиль «жигули». Однако выяснилось, что моя мама умерла, а я давно совершеннолетний и помимо бабкиного согласия на его прописку нужно иметь и моё разрешение. Это дядю явно раздражало, и он хотел побыстрее решить эту назойливую формальность, отмахиваясь от меня как от несмысленного щенка, он поставил меня в курс дела.

Но я сказал твёрдое «нет». Дядя растерялся. Мой отказ поставил его в тупик, он явно не рассчитывал на такой ответ. Тут надо заметить, что к тому времени я оплатил долг за свет, но долги по квартплате были огромные и дядя предлагал их оплатить, сделать ремонт и, главное, покатасть меня на машине. Но «нет».

— Пойдём выйдем поговорим.

— Пойдём.

Спускаясь по лестнице, я чувствовал себя немного Хабибулиным. Мы вышли во двор, я сел на скамеечку и дядя начал гастроль.

— Ты чо? Не работаешь, живёшь, за квартиру не платишь, чо за хуйня?

— Витя, я учусь, но ты тоже не платишь. Уголовник, зачем ты мне в квартире? Нет.

— Да я всё оплачу, а ты никогда не оплатишь — выселят.

— Знаешь, я выиграл грант от Её Величества Королевы Швеции, у меня на счету скоро будет четыре тысячи долларов, и одну я как раз хотел потратить на долги и ремонт. — Это произвело на дядю впечатление, как будто я рассказал ему, что прилетят инопланетяне.

— Что ты несёшь? Я тебе реальное дело предлагаю. Какая ещё Королева Швеции, блядь?!

— Королева Сильвия, она возглавляет фонд, который меня зовёт на арт-резиденцию на осень, я как раз документы делаю. Жалко нет интернета, я бы показал тебе письмо, но скоро мне привезут вызов, я тебе покажу.

— Какой, блядь, интернет?! Ты ебнутый. — Дядя реально скрипел зубами.

— Ну вот говорю, как есть, можешь не верить, но прописывать я тебя не буду. Что ты вообще паришься? Зачем тебе «жигули»? Там же большая квартира, пусть тебе купят комнату и выпишут в неё, а тут ты мне не нужен. Мама умерла, бабка тоже умрёт скоро, ты тут не жил никогда толком, ну сам посуди?!

— Мудак! Ты знаешь, что это за люди? Меня и тебя могут грохнуть, а ты тут хуйню несёшь какую-то!

Я знал, что это за люди, свидетельством был местный алкоголик Толя Телевизор, у которого они отняли квартиру и тот жил в подвале своего бывшего дома. Более того, я понимал,

что дядя, сознательно или нет, будет использован как таран для аналогичного развития ситуации с моей квартирой.

— Слушай, ну вот ты работаешь у нормальных людей, попроси их посоветовать тебе хорошего адвоката и получишь свою комнату, как дважды два. Это законно и выгодно всем.

— Пошёл ты...

И дядя куда-то убежал.

Бабка смотрела на меня неодобрительно:

— Мать с сыном разлучил! — Был её вердикт.

— Так он с тобой и не жил, — ответил я.

* * *

Больше у нас дядя не появлялся, однако он периодически приходил к тете, которой я рассказал всю ситуацию. И она, женщина богатая не столько умом, сколько жизненным опытом, помогла ему сделать правильные выводы, и дядя всё оформил, как я ему и сказал. Сначала предложил Лисицкому мировую с комнатой. Мировая быка Лисицкого предсказуемо взбесила, а после этого подошёл к Нэнси Ино, и та написала ему на бумажке адрес своего петербургского адвоката. С этой бумажкой дядя отправился к нему в офис.

Тётя рассказывала, угорая от восторга, как все прошло, и дядя, когда ей это рассказывал, тоже угорал.

— Ну я пришел в офис, говорю мне к такому-то. А это какаято контора на Невском вообще закрытая, охрана в униформе, меня вообще пускать не хотели, но я сказал, что я от Нэнси Ино, и передал записку. Меня пропустили. Кабинет весь в антиквариате, и сидит дядька-еврей. Ну я описал ситуацию, он набрал телефон Лисицкого и договорились встретиться через два дня. Прихожу через два дня, сидим с адвокатом, чай пьем из фарфоровых кружечек, он меня про тюрьму расспрашивает, нормальный мужик. А у него на столе монитор от камеры слежения. Смотрим, подъехал «мерседес», все двери разом открылись и оттуда как горох выкапываются эти, шесть человек... — Ну понятно, — говорит Марк Исаевич. Набирает кого-то, и говорит: — Пропустите и приготовьтесь.

— Заходят эти. Лисицкий сразу на пальцах, типа «Чо за хуйня?! Чувак не прав реально, давай по понятиям все разрулим».

— Друзья, я посмотрел документы, они говорят в пользу Виктора, выходит, что вы должны ему отписать половину. Он скромно просит одну комнату, даже не квартиру, не на улицу же ему идти из четырехкомнатной квартиры? Если мы договорились, начинайте оформлять, а я проконтролирую как его представитель, — вежливо говорит Марк Исаевич.

— Чо? Ты чо, жид, ахуел? Мы тут вас всех щас раком поставим, ты знаешь, кто мы такие?!

И тут Марк Исаевич нажал незаметно кнопочку под столом, и залетают шесть человек с автоматами «узи», как в кино, всех этих кладут на пол.

— Я хотел вежливо, но вы, видно, еще не поняли, что на дворе уже не девяностые.

Главный из залетевших предъявил ребятам ксиву майора МВД, всех кроме Лисицкого вывели. Лисицкий сразу со всем согласился, через месяц дядя получил свою комнату, двадцать метров, и восторженно, в лицах, рассказывал эту историю тете, а тётя мне.

* * *

С тех событий минуло больше десяти лет: бабка умерла, дядя совсем пропал с радаров, не выходил на связь ни со мной, ни с тётей, кажется, на что-то обиделся. Я сделал карьеру художника, появился в коллекциях музеев, бывал и на обложках журналов, и в телевизоре. Дела заставили меня отбыть на несколько дней в столицу, а в моей квартире осталась ныне

знаменитая художница, а тогда моя девушка Маша Бекар. Ей было строго-настрого сказано «двери никому не открывать», как бы ни стучали и что бы ни говорили, ибо я никого не ждал, а ценнее, чем она, у меня никого не было. И вот я приезжаю, а она мне рассказывает ужасную историю.

Она была дома с подружкой-моделью, свет горел.

— Часов в девять вечера кто-то стучал, целый час, очень громко! И кричал! Кажется, это был твой дядя, его увели к себе соседи. Спроси у них, все ли с ним нормально, потому что так стучать, это не нормально.

Встречаю соседей на лестнице и мне рассказывают:

— Ты курсе, что приходил Витя?

— И что ему было надо?

— Мы не поняли, Славик с ним поговорил, что-то у него не все хорошо вроде, он после тюрьмы.

Я так понял, что дядя решил внезапно нагрянуть с ревизией в наркоманский притон, но столкнулся с неадекватностью своего же представления обо мне. Я много лет не торчал, все соседи видели меня неоднократно по телевизору и знали, что я местами селебрити и знаменитость, а не героиновый наркоман, на что дядя рассчитывал. Среди соседей были его знакомые, они привели его в чувство, и он больше не появлялся, оставшись Машиным страшным воспоминанием.

* * *

Прошло еще несколько лет, я уже жил с другой Машей, фотомоделью, писал и читал ей свою первую книгу. Было время, и я решил приватизировать свою квартиру, начал собирать документы. В частности, надо было получить Форму 9, в которой были зафиксированы все, кто когда-либо был прописан на моей площади. И каково же было мое удивление, что дядя числился в официальных документах как прописанный и не выписавшийся! Чтобы приватизировать квартиру, нужно было договариваться с ним!

У меня случился шок. Было непонятно, что делать и как это может быть? Ведь он был прописан на Электросиле, потом выписался на Декабристов и не был дома десятилетия — как такое может быть?! Заговор бандитов из девяностых таки достал меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.